

Валери Террети

**ЗАБЫТЫЕ
ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ**

Каждая судьба достойна романа

Бестселлер №1 во Франции

Валери Перрен

Забутые по воскресеньям

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Перрен В.

Забутые по воскресеньям / В. Перрен — «Эксмо»,
2015 — (Бестселлер №1 во Франции)

ISBN 978-5-04-196335-4

Валери Перрен – одна из главных французских писательниц современности. Ее книги надежно занимают первые строчки бестселлеров Франции. Она – литературный феномен нашего времени. Первый роман Валери Перрен «Забутые по воскресеньям» стал международным бестселлером, получил 13 литературных наград и вот уже 8 лет держится в списке главных книг Франции. Это история о том, как прошлое формирует настоящее, а еще это история о шрамах, которые способна оставить любовь. Та, что зовется любовью всей жизни. «Воскресенье – день посещений. Не для всех. Воскресенье – сложный день. Каждое воскресенье старики точно знают, какой день недели наступил». Жюстин Неж двадцать один. Она живет с бабушкой, дедушкой и братом Жюлем. Жюстин работает в доме престарелых «Гортензии» и больше всего на свете любит разговаривать с его обитателями. Ее любимица – Элен, ей за девяносто, и ее воспоминания заслуживают отдельного романа. Рассказы Элен побуждают Жюстин встретиться лицом к лицу с тайнами своего прошлого и пережить потерю, которую она прячет глубоко внутри. Неожиданный анонимный звонок в дом престарелых меняет жизнь самой Жюстин навсегда. «Очаровательная героиня, удивительный мир, талантливая рассказчица». – ELLE

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-196335-4

© Перрен В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	19
Глава 10	21
Глава 11	23
Глава 12	24
Глава 13	25
Глава 14	27
Глава 15	28
Глава 16	31
Глава 17	34
Глава 18	37
Глава 19	40
Глава 20	44
Глава 21	46
Глава 22	48
Глава 23	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валери Перрен

Забывшие по воскресеньям

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Перевод с французского Елены Клоковой

Художественное оформление Алексея Гаретова

В оформлении полусупера и внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© aksol, Elala / Shutterstock.com и фотография:

© Marcin-linfernum / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Фото автора © Valentin Lauvergne

* * *

Валентину, Тесс, Эмме и Габриэль

Быть старым – значит оставаться молодым дольше других.
Филипп Гелюк¹

¹ Филипп Гелюк (род. в 1954) – бельгийский комик, юморист, телевизионный сценарист и карикатурист. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 1

Я купила у папаши Проста тетрадь в синей обложке. Не стану набирать роман об Элен на компьютере – хочу носить ее историю в кармане халата.

Я вернулась домой. Написала название «Дама с пляжа» и начала так:

Элен Эль – дважды рожденная. Первый раз она появилась на свет 20 апреля 1917 года в Клермене, что в Бургундии, а второй – в конце мая 1933-го, когда встретила Люсьена Перрена.

Я засунула тетрадь под матрас, как часто делают героини черно-белых картин, которые показывают по телевизору воскресными вечерами в программе «Полуночное кино». Дедуля их обожает.

А потом вернулась на работу, потому что в этот день была моя смена.

Глава 2

Мое имя Жюстин Неж². Мне двадцать один год. Я уже три года работаю сиделкой в доме престарелых «Гортензии». Привычнее для подобных заведений названия вроде «Липы» или «Каштаны», но мое построили, выкорчевав заросли гортензий, вот никто и не стал заморачиваться, хотя здание стоит на опушке леса.

В этой жизни моему сердцу милы две вещи – музыка и третий возраст³. Каждую третью субботу я хожу на танцы в клуб «Парадиз» в тридцати километрах от «Гортензий». Это бетонный куб посреди луга, окруженный стихийной стоянкой. Иногда я, будучи под хмельком, часов в пять утра, целуюсь там врасос с представителями противоположного пола.

А еще я, конечно же, люблю моего брата Жюля (вообще-то мы кузены) и бабушку с дедушкой, родителей моего покойного отца. Я выросла с людьми третьего возраста и в детстве не общалась ни с кем, кроме Жюля, перескочив словно через ступеньку этап общения с ровесниками.

Моя жизнь делится на три части: днем я ухаживаю за постояльцами, ночью читаю вслух старикам, а вечером по субботам танцую, чтобы заново приручить беззаботность, утраченную в 1996-м из-за представителей второго возраста – это родители, мои и Жюля. Им в голову пришла идиотская идея насмерть разбиться на машине воскресным утром. Я прочла заметку, которую бабуля вырезала из газеты и прячет среди своих вещей. Была там и фотография изуродованной машины.

Из-за наших родителей мы с Жюлем каждое воскресенье проводили на городском кладбище, клали свежие цветы на широкую могильную плиту с двумя ангелочками и фотографиями новобрачных: отца рядом с брюнеткой и дяди с блондинкой. Наши с Жюлем отцы похожи как две капли воды – у них одинаковые костюмы, галстуки и даже улыбки. Отец и дядя были близнецами, и мне непонятно, как они могли влюбиться в совершенно не похожих друг на друга девушек, а те втюрились в фактически одного и того же парня. Эти вопросы я неизменно задаю себе, входя в ворота кладбища. На них некому ответить. Думаю, я утратила беспечность именно потому, что не знаю ответов о Кристиане, Сандрин, Алене и Аннет Нежах.

На кладбище давно умершие мертвецы похоронены в земле, в то время как новые заперты в небольшие ниши и стоят в отдалении, будто опоздавшие. Моя семья лежит в пятистах метрах от дома бабушки с дедушкой.

Наша деревня называется Милли, в ней около четырехсот жителей. Решите отыскать ее на карте – вооружитесь лупой... Торговая улица носит имя Жана Жореса. В центре – площадь с церковью в романском стиле. У нас есть бакалея папаши Проста, тотализатор и гараж, был и салон красоты, но в прошлом году закрылся. Парикмахеру надоело красить волосы и делать укладки. Магазин одежды и цветочный уступили место банкам и лаборатории, где берут анализы. Некоторые витрины заклеили газетами, в других живут люди, отгородившиеся от мира белыми шторами. Занавески вместо штанов...

Табличек «Продается» в Милли ровно столько же, сколько домов, но никто ничего не покупает, ведь до ближайшего шоссе семьдесят километров, а до ближайшего вокзала – пятьдесят.

Еще в Милли есть начальная школа, где учились мы с Жюлем.

До коллежа, лицея, кабинета доктора, аптеки, обувного магазина нужно ехать автобусом.

² В переводе с французского «Неж» означает «снег» (neige).

³ Под третьим возрастом понимается период с выхода на пенсию и до потери дееспособности, во время которого происходит полное самоосуществление личности.

После бегства парикмахера я сама делаю бабуле укладку. Она мочит волосы, садится в кухне на табурет и подает мне бигудюшки, а я накручиваю седые пряди на трубочки и прижимаю пластиковым зажимом, после чего надеваю на голову сеточку. Под колпаком сушки бабуля через пять минут задремывает. Потом я снимаю бигуди, и прическа держится целую неделю.

Не помню, чтобы после гибели родителей я когда-нибудь замерзала. В наших краях температура не опускается ниже 40°. А что было до аварии, я не помню. Но об этом потом.

В детстве мы с братом ходили в немодной, но удобной одежде, которую бабуля стирала с кондиционером. Нас не пороли, не отвешивали затрещин, а в подвале разрешили поставить микшерный пульт и слушать виниловые пластинки, чтобы отвлечься от шарканья войлочных подметок по натертому паркету.

Я мечтала поздно ложиться спать, не чистить ногти, гулять по пустырям, разбивая коленки и локти, мчаться с холма на велосипеде с закрытыми глазами, болеть и писаться в кровать, но... бабушка ничего подобного не допускала. Она всегда была тут как тут с пузырьком йода наготове.

Все детские годы она чистила нам уши ватными палочками, дважды в день купала, растирая жесткой рукавичкой, и запрещала все, что, по ее мнению, представляло хоть малейшую опасность, например переходить дорогу без взрослых. А еще со дня смерти сыновей ждала, когда я или Жюль станем похожи на наших отцов. Не дождалась. Жюль – копия Аннет, а в моем лице нет сходства ни с одним членом семьи.

Бабуля и дедуля по возрасту моложе большинства обитателей «Гортензий». Я не знаю, с какого момента человек становится старым. Моя начальница мадам Ле Камю считает, что это происходит, когда ты больше не можешь сам наводить порядок в доме. Когда машина остается в гараже, потому что, сев за руль, ты либо калечишь окружающих, либо ломаешь шейку бедра. Я не согласна. Старость начинается с одиночества. Когда уходит твой спутник. На небеса или к другому человеку.

Моя коллега Жо полагает, что любой, кто начинает заговариваться и нести всякий вздор, попадает в категорию «Старики». Впрочем, эта ужасная болезнь поражает и молодые мозги. Другая моя коллега, Мария, как-то заявила, что старость наступает, когда ты начинаешь хуже слышать и десять раз на дню ищешь ключи от дома.

Мне двадцать один, и с ключами у меня напряженные отношения.

Глава 3

1924

Элен до поздней ночи работает при свечах в швейной мастерской родителей.

Она растёт среди костюмов и платьев. У неё нет ни сестры, ни брата.

Она любит показывать театр теней на стене, всегда одни и те же фигуры. Соединяет ладони, сгибает указательный палец, и получается птица, которая ест у неё с ладони. Птица похожа на чайку. Если она решает улететь, девочка сводит вместе большие пальцы, растопыривает остальные и машет «крыльями», но, прежде чем отпустить её, шепчет просьбу – всегда одну и ту же, – чтобы чайка унесла её слова на небо и передала эти слова Богу.

Глава 4

- Бабуля...
 - Ммм?
 - Куда ехали папа с мамой тем утром, когда погибли?
 - На крестины.
 - Чьи?
 - Сына друга детства твоего отца.
 - Бабуля...
 - Что?
 - Почему случилась авария?
 - Я тебе сто раз говорила. Был гололед. Их занесло. Потом... они врезались в дерево.
- Если бы не это дерево... они бы никогда... все, хватит!
- Почему?
 - Почему – что?
 - Почему ты никогда не хочешь об этом говорить?

Глава 5

Я полюбила стариков, когда учительница французского мадам Пти повела наш пятый класс в «Три ели» («Гортензии» в Милли построили позже). После уроков нас накормили в школьном буфете, мы сели в автобус и поехали. Дорога заняла около часа, и меня два раза стошнило в бумажный пакет.

Постояльцы «Трех елей» ждали нас в столовой. Пахло супом и лекарствами. Дурнота снова подступила к горлу, а когда нам велели поздороваться со стариками, я перестала дышать носом. В довершение всех бед их щеки кололись.

Мой класс подготовил выступление – мы должны были исполнить песню группы ABBA *Gimme! Gimme! Gimme!*⁴ в костюмах из белой лайкры и париках, одолженных в театральном кружке коллеги.

Потом мы все вместе ели блины. Каждый обитатель дома сжимал в застывшем кулаке бумажный носовой платочек. Для меня все началось, когда я слушала их истории. Старикам нечем себя занять, поэтому они лучше всех описывают прошлое. Ни книги, ни фильмы с ними не сравнятся.

В тот день я поняла: достаточно коснуться старого человека, взять его за руку – и он начинает рассказывать. С такой же легкостью вода заполняет ямку, вырытую в песке на морском берегу.

У меня есть в «Гортензиях» любимая история по имени Элен. Так зовут даму, живущую в девятнадцатом номере. Только она устраивает мне настоящие передышки, что для сиделки нашего гериатрического заведения является настоящей роскошью.

Персонал окрестил Элен «дамой с пляжа».

Когда я поступила на работу в «Гортензии», мне сразу объяснили: «Все дни она проводит на пляже, под зонтиком...» – а после ее появления в доме на крыше поселилась чайка.

В нашей местности чайки не водятся. В Центральной Франции полно дроздов, воробьев, скворцов и ворон, но чает нет. Кроме той, что живет у нас над головами.

Только Элен я называю по имени.

Каждый день, после утреннего туалета, ее усаживают в кресло, стоящее перед окном, и уверяю вас, она видит не крыши Милли, а что-то сказочно прекрасное вроде небесно-голубой улыбки, хотя глаза у нее в точности такие, как у всех остальных постояльцев, – цвета застиранной простыни. И все-таки, если на меня нападает хандра, я прошу жизнь подарить мне зонт вроде того, который есть у Элен. Этот зонт – ее муж по имени Люсьен. Вернее будет сказать – почти муж, поскольку официально он так никогда на ней и не женился. Элен пересказала мне всю свою жизнь. Всю – но частями, как пазл, словно подарила самую прекрасную вазу или статуэтку из своего дома, предварительно разбив на тысячу осколков. Случайно.

Уже несколько месяцев Элен говорит все меньше, будто песня ее жизни заканчивается и звучит все тише.

Каждый раз, выходя из комнаты, я накрываю ноги Элен пледом, и она говорит: «У меня будет тепловой удар». Элен не бывает холодно, она даже зимой позволяет себе роскошь нежиться на солнце, пока мы греем задницы на дрыхлых приютских радиаторах.

Насколько мне известно, у Элен есть только дочь, других родственников нет. Роза – художница и рисовальщица. Она сделала много портретов родственников углем, пишет моря, порты, сады и букеты цветов. Все стены комнаты Элен завешаны ее работами. Роза живет в Париже. Каждый четверг она приезжает поездом, берет напрокат машину и отправляется в

⁴ Один из наиболее значимых диско-хитов шведской группы ABBA выпущен в 1979 году. Название дословно переводится как «Дай мне, дай мне, дай мне! (Мужчину после полуночи)».

Милли. При каждой встрече повторяется один и тот же ритуал. Элен смотрит на дочь издалека, оттуда, где сейчас живет.

– Кто вы?

– Это я, мама.

– Не понимаю, мадам.

– Это я, Роза.

– Нет... моей дочке семь лет, они с отцом пошли купаться...

– Вот как... купаться...

– Да, с ее отцом.

– А когда они вернутся?

– Скоро. Сейчас. Я их жду.

Потом Роза открывает книгу и читает матери отрывки какого-нибудь романа. Чаще всего она выбирает любовные... Закончив, Роза оставляет книжки мне, это ее способ выразить мне благодарность. За то, что забочусь о ее матери, как о своей.

Самая безумная глава моей жизни началась в прошлый четверг, около трех часов дня. Я толкнула дверь комнаты № 19 и увидела его возле кресла Элен. С портретов, написанных Розой, на нас смотрит Люсьен. А сейчас он сидит рядом с Элен. Я смотрю на них, разинув рот, как полная дура, и не смею шевельнуться: Люсьен держит Элен за руку. Я ни разу не видела у нее такого выражения лица, кажется, что она открыла нечто невероятное. Он улыбнулся. И сказал:

– Здравствуйте, вы Жюстин?

Я подумала: «Надо же, Люсьен знает, как меня зовут. А что, это нормально. Призракам известны все имена живых и много такого, о чем мы понятия не имеем. Теперь я сообразила, почему Элен ждала его на пляже и остановила время!»

Ясно, что встретить такого мужчину – все равно что выиграть миллион по трамвайному билету.

Его взгляд... Никогда не видела подобной сини. Даже в каталогах, по которым бабуля заказывает товары на дом.

– Вы приехали за ней?

Он не отвечает, Элен тоже молчит, но как она на него смотрит, с ума сойти! Куда только девался выцветший цвет глаз!

Я подошла, поцеловала Элен в лоб, и он показался мне горячее обычного. Мое состояние можно сравнить с небом, о котором говорят: «Дьявол выдает замуж дочь...» – у меня в душе шел дождь и светило солнце. Люсьен наконец-то вернулся на морской берег, чтобы увести любимую в рай. Я больше ни разу не видела Элен такой.

Я взяла ее за руку.

– Чайку тоже заберете? – сдавленным от волнения голосом спрашиваю я у Люсьена.

Он отвечает недоумевающим взглядом. Он не понимает, о чем я говорю. Этот человек – не призрак.

Никогда за всю жизнь мне не было так страшно, как в то мгновение. Он был живой, настоящий. Я резко повернулась и сбежала из комнаты № 19, как воровка, застигнутая на месте преступления.

Глава 6

Люсьен Перрен родился 25 ноября 1911 года в Милли.

В его семье наследственная слепота передавалась от отца к сыну и поражала только мужчин. Они начинали слепнуть уже в раннем детстве. Ни один Перрен не увидел огоньков двадцати свечей на именинном торте.

Отец Люсьена, Этьен Перрен, встретил свою жену Эмму, когда она была маленькой девочкой. Он узнал ее, когда был зрячим, но постепенно Эмма исчезала из поля его зрения, ее лицо словно бы запотевало, как стекло. Этьен любил жену по памяти.

Он испробовал все средства и способы, чтобы спасти глаза: закапывал разные эликсиры, целебную воду из источников Франции и других стран, сыпал волшебные порошки, лил розовую и васильковую воду, крапивный и ромашковый отвары, спитой чай и воду всех «мастей»: святую и соленую, ледяную и горячую.

Рождение Люсьена было случайностью.

Его отец не хотел детей – не желал длить семейное проклятие. Узнав, что на свет появилась не девочка, а мальчик, которому суждено вскоре ослепнуть, он впал в совершеннейшее отчаяние.

Эмма рассказала мужу, что у мальчика черные волосы и большие голубые глаза.

Ни у кого в семье Перрен не было голубых глаз – все рождались с черными, да такими, что цвет радужки был неразличим. С годами они светлели и становились сероватыми, как крупная соль.

У Этьена появилась надежда: возможно, голубые глаза защитят Люсьена от неизбежности. Этьен был органистом и настройщиком, как отец, дед и прадед, его приглашали играть Баха на церковных службах и настраивать органы в местных церквях.

В будни Этьен обучал желающих азбуке Брайля. Книги для него делал двоюродный брат, тоже незрячий, в маленькой мастерской в V округе Парижа.

Однажды утром 1923 года Эмма ушла от Этьена. Он не услышал, как она бесшумно закрыла за собой дверь, потому что был занят с учеником, не слышал он и голоса мужчины, который ждал Эмму на противоположной стороне улицы. А вот Люсьен видел, как уходила мать.

Он не попытался задержать ее, подумав, что она скоро вернется. Покатается на красивой машине незнакомца и вернется, ничего ведь страшного в этом нет? Отец никогда не сможет доставить жене такое удовольствие, а она имеет право немножко развлечься.

Глава 7

Раньше бабуля была склонна к самоубийству. Месяц, иногда дольше, она вела себя нормально, а потом вдруг глотала три упаковки таблеток, совала голову в духовку, выбрасывалась из окна второго этажа или пыталась повеситься в сарае. Говорила нам: «Спокойной ночи, детки!» – а два часа спустя мы с Жюлем слышали из нашей комнаты, как в дом врываются медики или пожарные.

Свести счеты с жизнью бабуля пыталась по ночам, будто ждала, пока домашние заснут, чтобы положить всему конец. При этом она с завидным постоянством забывала, что сон дедуля теряет так же часто, как свои очки.

Последний раз это случилось семь лет назад. Вышедший на замену врач не удосужился прочесть запись, сделанную красным фломастером на медкарте пациентки: «Хроническая депрессия, склонна к суициду!» – и выписал ей две упаковки транквилизаторов. Все аптекари в наших местах знают, что лекарства по рецепту бабуле можно отпускать, только если ее сопровождает дедуля.

Папаша Прост ни за что не продаст ей крысиную отраву, средство для прочистки труб или для борьбы с ржавчиной. Бабуля делает уборку и все чистит уксусом, но вовсе не потому, что заботится об экологии, просто все боятся, что она плотнет жидкости для мытья посуды или средства для обезжиривания плиты.

В последний раз она почти преуспела, но слезы Жюля (я была слишком потрясена и даже плакать не могла) заставили ее пообещать, что следующей попытки не будет. И все-таки в аптечном шкафчике в ванной нет ни бритвенных лезвий, ни средств на спирту крепостью 90°.

Она несколько раз ходила к психиатру. Но так как ближайший мозгоправ принимает в 50 километрах от Милли, а на то, чтобы записаться, уходят месяцы, она говорит, что будет легче увидеться и побеседовать с ним на Небесах, когда она умрет! А до тех пор она клянется, что больше не будет и пытаться наложить на себя руки: «Это мое обещание, мои маленькие, клянусь, я умру естественной смертью, если такая существует». Она никогда ничего не обещает дедуле, а только нам с Жюлем, своим внукам.

В десятую годовщину смерти моих родителей она прыгнула с чуть большей высоты, чем обычно, и повредила бедро, поэтому теперь слегка прихрамывает и ходит с тростью, которая всегда висит у нее на запястье.

Я только что сделала ей укладку. Жюль рядом, на кухне, он ест «Нутеллу», зачерпывает из банки и намазывает на багет. Дедуля сидит в торце стола и листает «Пари Матч». В столовой, перед пустым диваном, орет телевизор, звук такой громкий, что разобрать слова невозможно.

– Дедуля, ты был знаком с Элен Эль? – спрашиваю я.

– С кем?

– С Элен Эль. Она была хозяйкой кафе папаши Луи до 1978 года.

Мой печальный молчаливый дед закрывает журнал, прищелкивает языком и произносит с местным говором:

– Я никогда не бывал в бистро.

– Но каждый день проходил мимо по дороге на завод.

Дедуля ворчит что-то нечленораздельное. Если после смерти близнецов бабуля, периодически пытаясь свести счеты с жизнью, все же надеялась когда-нибудь разглядеть черты своих мальчиков во мне и Жюле, то дед в тот день, когда погибли его сыновья, перестал ждать чего бы то ни было вообще. Я ни разу не видела улыбки на его лице, хотя на детских фотографиях моего отца и дяди Алена дед одет в яркие футболки и, судя по выражению лица, отпускает глупые шуточки. Теперь он совершенно облысел, а в те времена, когда они втроем забирались на самый высокий холм у Милли, у него была роскошная шевелюра. Мой любимый снимок

помечен июлем 1974 года. Деду тридцать девять, волосы жгуче-черные и очень густые, он в красной тенниске, на губах рекламная улыбка. Когда дед был папой, он был очень красивым. От него прежнего остался только рост – 193 сантиметра. Он такой высокий, что похож на трамплин для прыжков в воду.

Дед возвращается к журналу, и я спрашиваю себя, зачем ему это чтиво, что там может понять человек, так отдалившийся от мира, от нас, от себя самого? Увидит ли он разницу между землетрясением в Китае и катаклизмом на собственной кухне?

– Я помню ее пса. Он напоминал волка.

Волчицу... Дедуля помнит Волчицу.

– Ты помнишь Волчицу! Значит, должен помнить и Элен!

Он встает и выходит из кухни. Ненавидит, когда я начинаю задавать вопросы. Боится своей памяти. Память – это дети, и он похоронил ее вместе с ними – в одной могиле.

Мне ужасно хочется спросить, помнит ли он чайку, жившую в поселке, когда он был мальчиком, но я заранее знаю ответ: «Чайку? Как я могу помнить чайку? Тут они не водятся...»

Глава 8

В воскресный день старая кобыла Бижу везет Люсьена и его отца в Турнюс, Макон, Отён, Сен-Венсен-де-Пре или Шалон-сюр-Сон. Пункты назначения зависят от времени года. Зимой всегда меньше похорон и свадеб.

Люсьен провожает отца к большим местным органам, заменяя белую тросточку, усаживает за клавиатуру. Делает прежнюю работу Эммы – своей матери, так и не вернувшейся с автомобильной прогулки.

Люсьен присутствует на мессах, венчаниях, крещениях и отпеваниях.

Когда Этьен играет или настраивает инструмент, сын стоит рядом и наблюдает за молящейся и поющей толпой.

Он неверующий, религия ассоциируется у него с красотой музыки, чем-то таким, что поработает людей. Он так и не решился поделиться этой мыслью с отцом и каждый вечер, не моргнув глазом, читает молитву перед ужином.

Этьен не хотел учить сына ни азбуке Брайля, ни музыке – боялся, что эти умения принесут ему несчастье, – и умолял Люсьена заняться всем, что недоступно незрячему, словно надеялся таким образом отпугнуть угрозу слепоты. Заставить ее бежать прочь от мальчика. Люсьен, ради спокойствия отца, участвует в велосипедных гонках, бегают кроссы и плавают.

В муниципальной школе он учится читать и писать – как все остальные дети, но, в отличие от отца, предугадывает, что однажды это станет для него совершенно бесполезным. Вот почему он самостоятельно, тайком, учит азбуку Брайля, когда Этьен занимается с учениками.

В тринадцать лет Люсьен сопровождает отца в Париж, где Этьен собирается купить у кузена новые книги. Но главная цель поездки – показать Люсьена офтальмологу. Врач долго изучает глазное дно мальчика и с полной уверенностью заявляет, что Люсьен не является носителем дефектного гена. Он унаследовал глаза матери. Этьен ликует. Люсьен притворяется ликующим.

Однажды настанет его черед передвигаться с белой тростью, поэтому мать и ушла. Однажды окружающие будут называть его слепым, а не сыном слепого. У него тоже появится помощник или помощница, чтобы все за него делать. Вот почему Люсьен втайне от всех учится навыкам незрячих.

После ухода матери Люсьен научился делать все на свете с закрытыми глазами. Чистить костюм, мыть пол, доставать воду из колодца, косить траву, работать в огороде, колоть дрова, доставать из погреба бутылки вина, ходить вверх и вниз по лестницам. Их с отцом дом всегда погружен в темноту. Люсьен научился задергивать шторы бесшумно, чтобы не услышал отец. Из-за недостатка света у них не выживает ни одно домашнее растение.

Привезя из Парижа чемоданы новых книг, он будет по одной незаметно таскать их у отца. Люсьен всегда верен своим привычкам.

Глава 9

– Расскажи мне историю.

– Я думала, тебе не нравятся стариковские байки.

Жюль гримасничает, делает затяжку и выпускает колечки дыма в сторону обклеенной обоями стены. Он поставил для меня трек *Subzero* Бена Клока, самого раскрученного диджея из легендарного берлинского клуба «Бергхайн». Мне часто кажется, что мой брат – инопланетянин.

Когда Жюль узнал, что меня взяли на работу в «Гортензии», он вопил как потерпевший. Впервые в жизни. В нашем доме никто никогда не повышал голоса – только телевизор.

Сильнее всего Жюля бесило, что «Гортензии» находятся в пятистах метрах от дома. Пресупеть для него значило покинуть Милли. В сентябре, после сдачи бакалавриатского экзамена, он уедет в Париж, которым бредит. Только о нем и говорит.

– Открой окно! Ненавижу запах твоего табака...

Он распрямляет свои метр восемьдесят семь, встает и приоткрывает створку. Я люблю брата, хотя иногда мне кажется, что он нас стыдится. Стыдится своей семьи. Я восхищаюсь его пластикой танцора и руками пианиста. Будто он упал с неба, а дедуля просто подобрал его в саду. Будто он родом не из Милли, а из большой столицы, где его воспитывали отец-астроном и мать, преподающая филологию в университете. В Жюле столько грации, что предметы словно бы танцуют вокруг него. Он мне больше чем брат – наверное, потому, что не родной. При всем том Жюль ходит шумно, никогда ничего не кладет на место, он эгоист, лунатик, сноб и фантазер. А еще – дымит как паровоз, причем в моей комнате!

Думаю, я не расстроюсь, если не сумею завести детей, ведь у меня есть Жюль. Он недопустимо, невысказанно хорош собой. Словно пытаюсь компенсировать те поцелуи, на которые поспешили бабушка и дедушка. В нашей семье целуют, едва касаясь губами щеки, когда получают подарок в день рождения или на Рождество. Ни в коем случае не просто так – и все из-за чертова сходства, *которого никогда не было*. А еще, думаю, бабуля с дедулей не могли заставить себя клонуть в щечку Аннет, мать Жюля. Бабуля не любит блондинок – даже тех, что в телевизоре, каждую достаивает презрительной гримаски, незаметной для всех, кроме меня.

Жюлю было два года, когда погибли родители. Он считает, что его отец был богаче моего, и думает, что учиться в Париже будет на деньги, лежавшие на банковском счете дяди Алена, которого числит героем. На самом деле, у того не было ни гроша, а деньги на Сорбонну начала откладывать я, поступив на работу в «Гортензии». Жюль никогда не узнает моей тайны. В месяц мне платят 1480 евро, с суточными дежурствами выходит чуть больше. Из этих денег 600 евро я кладу на счет и уже скопила 13 800 для брата. 500 евро получают от меня бабуля с дедулей, а тринадцатую зарплату я спускаю в «Парадизе».

Жюль мечтает стать архитектором. Думаю, когда он начнет строить свои замки, мы его больше не увидим. И даже если он будет приезжать сюда раз в году, то только потому, что ему этого хочется, а не ради нас. Я точно знаю, как мыслит и поступает Жюль, могу разложить по полочкам, объяснить в деталях.

Жюль ни к чему не привязывается, потому живет сегодняшним днем и плюет на вчерашний, а завтрашним пока не интересуется. Утром он отправляется в лицей, закрыв за собой дверь, забывает о нас, а когда возвращается вечером, бывает вполне рад нас видеть, хотя ни разу за день ни о ком даже не вспомнил.

Полиция так и не определила, кто из двух отцов был за рулем в тот страшный день, их не смогли отличить друг от друга. Эксперты не выяснили, что именно вышло из строя в то воскресенье. Машина у близнецов была общая, но кто кого убил, мы так и не знаем.

Жюль устраивается на моей кровати, взглядом подает привычный сигнал: «Ну, давай, рассказывай!» – и я начинаю:

– Мадам Эптинг собралась переехать в «Гортензии» в день смерти своей собачонки, решив, что больше ни на что не годна. Она сказала, что за годы жизни держала псин всех мастей. Пережила войну, лишения, ужас перед бошами⁵ и несчастную любовь, но смерть песика, которому она дала кличку Ван Гог – прежние хозяева отрезали ему ухо с клеймом, – отправила ее в нокаут.

– Мерзавцы... – Жюль закуривает.

– Ну вот, такова история дня... – говорю я.

– Все? Конеч? – спрашивает он.

– Вообще-то нет. Я спросила: «Расскажите мне вашу печальную историю, мадам Эптинг?» Она расхохоталась, и ей даже пришлось придержать зубной протез пальцем, чтобы не вылетел изо рта. «Его звали Мишель...» – начала она. «Красивое имя, – ответила я, – но мне пора, я уже опаздываю». Она не поняла и спросила: «Куда?» – «На рабочее место. Утром я сильно опоздала, поэтому о Мишеле вы мне расскажете во второй половине дня!» Она кивнула и осталась в комнате № 45 наедине с воспоминаниями о былой любви и усопшей собаке. Когда я зашла вечером, кресло и кровать пустовали – у нее случился удар. Вот такая у меня повседневность. Слушать нужно сразу, ведь тишина подстерегает всех нас.

– Жуткий мрачняк!

– Не спорю – и все-таки я почти каждый день хохочу до упада.

– Между сменой памперсов и ралли на кресле-каталке?

Я смеюсь, а Жюль умолкает. Встает и как любой уважающий себя принц не замечает, что живет один в своих владениях, высовывается в окно и щелчком отправляет окурок в сад. Я рывкаю: «Свинтус!»

⁵ Бош – презрительное прозвище немцев во Франции. Ча-ще всего его использовали во время конфликтов с Германией.

Глава 10

1926

Всевышний не ответил на мольбы Элен – она так и не научилась читать.

Этим вечером она решила умереть.

Элен слышала разговоры о самоубийстве – год назад один житель деревни отравился таблетками. Для нее отравы – большая черная доска.

После уроков она прячется в чулане, где хранятся мел, чернила, бумага и дурацкий колпак⁶. Сердце у нее колотится, она слышит, как дети выходят из класса, как покашливает учитель мсье Трибу, как щелкают замки его портфеля, как он спускается с возвышения, как выходит и дверь закрывается. Коридоры и двор затихают.

Элен сует в карман колпак, возвращается в класс и чувствует себя странно, хотя для нее это привычно: на переменах ее часто оставляют одну – в качестве наказания или из-за недоделанного на уроке задания. Обычно она слышит крики других детей, а сейчас вокруг только тишина.

Элен смотрит на книги, сложенные аккуратной стопкой на краю большого учительского стола. Как бы она хотела вырвать из каждой все страницы, порвать их на мелкие клочки, раскидать, нарушив идеальный порядок. Увы, она никогда не осмелится.

Элен смотрит на черную доску и в отчаянной надежде старается прочесть первую фразу параграфа, которую мсье Трибу написал цветными мелками, подчеркнув некоторые слова: ОНА РАЗБИЛА МАЛЕНЬКИЙ ГОРШОЧЕК МОЛОКА.

ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА.

Вот что читает Элен.

Мсье Трибу больше не пытается изменить ее восприятие букв. Вначале он произносил слова по слогам, просил по десять раз переписывать одно и то же, но у Элен все равно не получалось, как будто ее слова все время колыхал ветер.

В этом году он посадил ее одну, в глубине класса. Кто захочет делить парту с человеком, у которого даже списать нельзя? Раньше учитель на нее колпак надевал, теперь все гораздо хуже. Элен чувствует, что он ее жалеет и больше не надеется.

ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА.

Глаза у Элен сухие.

Она давно перестала плакать. Она выплакала все слезы в первом классе.

Элен прижимается губами к доске, поднимается на цыпочки и начинает лизать ее, как зверек, но понимает, что фраза написана слишком высоко, и залезает на учительский стул. Она слизывает буквы всех цветов – красные, синие, зеленые – и глотает их, чтобы отравиться их ядом. Она плюет на доску. Чтобы буквы легче проскальзывали в горло, трется губами о заглавные буквы, точки и запятые.

Доска чиста, рот Элен окрасился во все цвета радуги, она возвращается за свою парту у дальней стены класса. Напротив дровяной печи. Элен ждет смерти. Она сидит с прямой спиной и ждет, чтобы проглоченные слова убили ее. Навсегда. Завершив работу, начавшуюся в первый день в школе.

На Элен тогда было прелестное, как у Красной Шапочки, платье (так сказала мама, сидя за швейной машинкой), но она не знала, что Злой Волк превратится в Большую Черную Доску.

⁶ Раньше во Франции учитель младших классов в конце дня определял худшего ученика и надевал на него колпак, название которого дословно переводится как «ослиный колпак» (от *фр.* bonnet d'âne).

Смерть так и не приходит за девочкой. ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА не имеет силы смертоносной таблетки, а Элен думала, что оно прикончит ее так же быстро, как свинью, которую соседи забивают раз в год ударом в затылок.

Она не уйдет из класса, пока не умрет.

Элен решает выпить чернила из всех чернильниц, стоящих на партах, а закончить чернильницей учителя. Тогда она уж наверняка умрет. А если не выйдет, придется проглотить швейные иголки, которые она всегда носит в кармане, чтобы сильно уколоть себя в ногу, если станет неспособна с животом.

Она встает, откидывает крышечку чернильницы с первой парты, где сидит лучшая ученица Франсин Перье. Ей все удается, и она не делает помарок. Ни одной. Учитель всегда улыбается этой девочке, ее почерк напоминает полет птицы, а голос – мелодию, когда она читает вслух, не запинаясь и правильно интонируя каждую запятую.

Элен касается губами чернильницы Франсин Перье с мыслью о еще двадцати семи и внезапно вздрагивает, испугавшись непонятного звука. Что-то ударилось о стекло одного из окон. Камень? За ней наблюдают? У Элен заходится сердце. Она ставит чернильницу на место и прячется под учительский стол.

Проходит десять минут. Ни звука.

В конце концов она вылезает из укрытия и подходит к окну. Снаружи никого. Двор пуст. Со старого дуба облетают последние листья. Элен провожает взглядом полет одного из них. Он спускается на землю одновременно с наступлением ночи. Листок касается белой лужицы. Элен смотрит на нее несколько секунд и понимает, что это птица, упавшая на землю. Она еще жива. Девочка бежит во двор по коридору с пустыми вешалками. Сегодня она не надела плащ, чтобы не пришлось оставлять его в коридоре, ведь так кто-нибудь обязательно заметил бы, что она задержалась после уроков.

Под дубом Элен останавливается в нескольких сантиметрах от птицы. Это чайка. Ее чайка! Та, что с детства тенью следует за ней. Та, на которую она смотрит в небе, когда хочет отмыть глаза от нечитаемых фраз. Та, которую она показывает в своем театре теней на стене мастерской. Чайка существует. Она не плод ее воображения. Чайка ранена, но жива. Она смотрит на Элен, приоткрыв клюв, и дышит прерывисто, как будто не может совладать с сердцебиением. Кажется, чайка больна, а Элен вдруг понимает, что птичка бросилась на стекло, вызволяя ее из проклятой школы. А может, решила умереть одновременно с ней.

Чайка и девочка смотрят друг на друга. Элен опускается на коленки, но не решается коснуться маленького тельца, боится сделать еще хуже, но и оставить ее не может.

У Элен нет ни братьев, ни сестер. Нельзя бросать своего двойника.

В конце концов она осторожно берет чайку в ладони и опускает в большой внутренний карман блузы, поближе к сердцу.

Глава 11

Комната № 19.

Голубоглазый призрак здесь, сидит рядом с Элен. Он закрывает книгу, которую читал ей.

– Еще раз – последний – прошу прощения за то, что приняла вас за Люсьена.

– Бывает, я тоже путаю людей.

Ему не кажется странным, что я могла принять его за человека, которому, будь он жив, исполнилось бы... сто два года. Он проводит рукой по волосам – я впервые вижу этот жест, но он мне кажется привычным.

– Откуда вам известно, день сейчас на ее пляже или ночь? Мне она сегодня не сказала ни слова. Похоже, спит.

– На пляже Элен всегда белый день.

– Давно она... Ну, на...

– В отпуске? По-моему, они гуляли там с Люсьеном в 1936 году.

Он долго молча смотрит на нее, потом переводит взгляд голубых глаз на меня. Голову даю на отсечение, что море Элен в точности того же цвета, что его глаза, поэтому она никогда не вернется.

– Откуда вы знаете?

– Она много со мной разговаривает.

– Правда? И что еще вы от нее слышали?

– На пляже... отцы семейств бегают за мячиками, а матери пьют прохладительные напитки. Взрослые ребята слушают модные хиты или проматывают кассеты... Иногда она спотыкается о гальку и шепчет: «Ай, больно! Какие они сегодня горячие!» или «Черт, я наглоталась песка!». Бывает, Элен общается с окружающими – мороженщиком или женщиной, расстелившей полотенце рядом с ней. Элен спрашивает: «Вы часто сюда приходите?» Отвечают ей редко.

Призрак молчит, пока я наливаю в графин свежую воду.

– Не мы должны читать ей романы, а она нам, – говорит он.

Звучит забавно, но я не смеюсь – уж слишком впечатлили меня его голубые глаза. Обычно к такому привыкаешь, но мое смятение только усиливается.

– А... что она делает на пляже?

– Читает любовные романы, пока Люсьен с малышкой купаются.

Он в изумлении – не ждал, что я отвечу, а вопрос задавал «в никуда».

– С малышкой?

– С Розой. Вашей матерью. Ведь Роза – ваша мать?

– Да.

Я осторожно, по глоточку, помогаю Элен утолить жажду, думая: «Он наверняка считает нас обеих сумасшедшими...»

– Какие именно любовные романы?

– Те самые, которые ваша мать читает ей, когда приходит сюда.

– Вы будто зарифмованную инструкцию сейчас произнесли.

Да, он из нашего мира, где не принято верить своим глазам. Из мира идиотов, наивных простаков, оптимистов.

Глава 12

Элен толкает дверь родительской лавочки и видит в примерочной клиентку и свою мать, которая подкалывает подол, стоя на коленях.

Сидящий за кассой отец сдавленно вскрикивает при виде дочери.

Элен врет ему. Все лодыри врут. Ложь – их вторая натура, потому у них и воображение богаче. Она говорит, что другие дети завязали ей глаза и заставили глотать мелки, что она больше никогда не пойдет в школу, что все там ужасно жестокие и не нужно ее уговаривать! Элен заявляет, что будет работать в мастерской и вести себя послушно, а если отец откажет, она себя убьет.

Пусть родители посоветуются между собой. Элен прекрасно знает, что они друг другу скажут, – сумела подслушать:

«Мсье Трибу уверен, что аттестата ей не видать... Даже если останется на второй год... Не сумеет... Ни за что... Она даже время определять не умеет... В девять-то лет...»

Она поднимается по лестнице, чувствуя, как чайка трепыхается в кармане. Элен трогает тельце кончиками пальцев и чувствует, какое оно горячее. Сердце бьется спокойно. Крылья целы. Девочка вымачивает хлеб в молоке и кормит птицу. Она не видела существа красивее этой белой чайки с оранжевым клювом. Даже деревья не так прекрасны. Даже подвенечное платье. Даже графиня, которая иногда приезжает в мастерскую на красивой машине, хотя у нее потрясающие ноги и кукольное личико. Ни один пейзаж не сравнится с чайкой Элен, и она открывает окно, чтобы отпустить ее на волю.

– Ты летаешь в небесах, так попроси Бога починить мои глаза и научить меня читать. Пожалуйста!

Птица выпархивает из комнаты и летает кругами. В свете полной луны она кажется еще одной сияющей звездой.

Глава 13

Этим утром призрак ждал меня у двери комнаты № 19. Я удивилась – почти неприятно. Иногда все, что *слишком*, раздражает, даже красивое лицо и яркая голубизна глаз. Я предчувствую чертову прорву проблем с этим человеком, он способен переменить ваши привычки щелчком пальцев.

– Здравствуйте, Жюстин, уделите мне пять минут?

Я слышу за спиной хихиканье моей коллеги Жо, она не дает мне ответить, сказав:

– Я тебя подменю, Жюжю...

Жюжю. Она это сказала. Жюжю. Подлость какая! Когда мы сталкиваемся с кем-то, кто нам нравится, всегда начинаем ненавидеть тех, кого обожаем. Из-за близости, которая их связывает, а мы не хотим, чтобы связывала, особенно в неудобный момент.

– Только ненадолго, по утрам у нас каждая минута на счету.

Я покраснела. Ох, какой кошмар... я зацепилась за тележку и чуть не грохнулась. Стыдоба!

Я предложила ему пройти в комнату персонала рядом со справочным бюро, там есть кофемашина, микроволновка, холодильник, стол и несколько стульев. Обычно мы не пускаем ни постояльцев, ни родственников в наше «гнездышко», но «он» не из их числа. С такой внешностью у него пожизненный допуск.

Мы прошли тремя коридорами, преодолели два этажа, и я пригласила его войти.

По утрам в коридорах всегда шумно. Двери комнат открыты – персонал снует туда-сюда. Бывает, наши «зависимые» подопечные бредят, ругаются или зовут на помощь. Некоторые старожилы похожи на призраков – они смотрят не в окно, а в персональную бездну.

Шарль Бодлер описал приют безумных, который становится пугающим с наступлением ночи из-за раздающихся внутри криков. В домах престарелых души впадают в тревожность по утрам.

В комнате никого не было, я вставила фильтр в кофемашину, налила воды. Он сел. Я уверенной рукой разлила кофе по кружкам с выщербленными краями.

– Сахар?

– Спасибо, нет.

Я положила себе две ложки и села напротив. Он бросил взгляд на постеры и старый календарь 2007 года, для которого пожарные снимались «ню» в благотворительных целях.

– Можете сказать, что лежит на прикроватном столике моей бабушки? Назовите по памяти все, что находится на нем и внутри?

Я закрываю глаза и начинаю:

– Фотографии Люсьена, Розы, Джанет Гейнор, графин с водой, шоколадки, которые она не ест, гортензии в хрустальной вазе.

– Кто такая Джанет Гейнор?

Я все еще сижу с закрытыми глазами, но чувствую, как его взгляд проникает сквозь мои веки. Так бывает, когда яркое солнце светит в лицо.

– Актриса, первая обладательница премии «Оскар», получила награду в 1929 году.

– А в ящике... знаете, что в ящике?

– Свернутые в трубочку листы бумаги, закрепленные резинкой для волос, наперсток, снимок Волчицы, белое перо, бумажные носовые платочки и сорокапятка⁷ Жоржа Брассенса⁸ «Башмаки Элен».

⁷ Грампластинка-сингл на 45 оборотов в минуту, в отличие от долгоиграющих на 33⅓ оборота в минуту и патефонных на 78 оборотов в минуту.

– Запишете для меня все, что знаете о ней?

Я открыла глаза, встретила взглядом с бесконечной синью его очей и покраснела.

– Загадайте желание.

– Зачем?

– У вас на щеке ресничка.

Я провела ладонью по левой щеке, и ресница упала на стол.

В этот момент вошла запыхавшаяся мадам Ле Камю, посмотрела на нас невидящим взглядом, ринулась к кофемашине и принялась пить мелкими глотками, приговаривая:

– Снова. Семья внизу. Хочет объяснений, а у меня их нет. Снова-здорово.

Я спрашиваю:

– Опять кому-то позвонили?

Мадам Ле Камю делает глубокий вдох, шумно выдыхает и говорит, словно бы себе самой:

– Да. Вчера вечером. В 23:00! Сказали: «Мсье Жерар скончался от легочной эмболии».

Призрак поднимает брови и молча допивает кофе. Я объясняю, что некто неизвестный звонит родственникам «забытых по воскресеньям» и сообщает о смерти близкого человека. Призрак изумляется еще сильнее, я пожимаю плечами.

Уходя, он смотрит на меня, как на волшебницу, посадившую его бабушку в ящик фокусника, и я остаюсь наедине с начальницей, разглядывающей мускулистый торс пожарного на январском листе старого календаря.

С прошлого Рождества мадам Ле Камю напоминает бегунью на финише. Она страшно недовольна, что вечно ничего не успевает, курсирует между комнатами и дирекцией, то и дело закатывая глаза, словно пытается найти ответы на важнейшие вопросы на бледных потолках с трубками дневного света. Все началось 25 декабря прошлого года. Трем семьям сообщили о смерти старейших постояльцев «Гортензий», а когда родные явились 26-го, чтобы организовать похороны, живые, как никогда, старейшины улыбались, ошарашенные неожиданным посещением.

Эта история повторяется пятый раз, администрация ведет расследование, пытаюсь найти автора злосчастных звонков – так написано в объявлениях, расклеенных в процедурной, комнате отдыха и гардеробе.

Звонят каждый раз из комнаты № 29, где обитает мсье Поль. Уже три года он почти все время спит, и врачи категоричны: он никак не мог совершить эти... деликты. Никто не заметил ничего необычного, никто не просачивался к старику, чтобы втихаря набрать номер. У всех «оповещенных» семей было нечто общее: они не навещали своих родственников. Выглядело все так, словно кто-то подсчитывал число посещений на одного резидента и звонил, чтобы вызвать гостей в комнаты без цветов.

И вот подозреваются все, и получается какая-то Агата Кристи, только без трупа. Забавно было бы прочесть ее роман о «Гортензиях», где мисс Марпл расследует, почему никто не умер...

Что бы она сказала обо мне? Что за мои «библиотеки» со всеми историями приходится платить дорогую цену? Что я слишком молода, чтобы заботиться о таких старых людях?

⁸ Знаменитый французский поэт, композитор и исполнитель песен 1950—1970-х годов. Песня «Башмаки Элен» (Les Sabots d'Hélène) вышла в 1954 году и дала название третьему альбому музыканта.

Глава 14

1930

Люсьен в саду, прилегающем к дому, нюхает пышную красную розу. Это его любимый запах – напоминание о матери.

Каждое утро Эмма протирает лицо розовой водой собственного приготовления. Осенью она собирает лепестки, весь год вымачивает их в белой эмалированной миске, наливает душистый лосьон в бутылочку, чтобы вновь и вновь пополнять ее.

Иногда Люсьен окунает ладони и предплечья в вязкую жидкость, и обрывки лепестков цепляются за волосы, как осколки звезд. Отец сразу замечал, что он «надушился», – от слепого ничего не скроешь. Даже ложь имеет запах. Отец говорил: «Душатся только девушки, но никак не мужчины...»

Ему не хватало матери.

Люсьен открывает глаза, смотрит на красные, как кровь, лепестки. Интересно, это цвет делает аромат цветка таким изумительным? Кровь его матери пахла розами?

У него и правда ее глаза? Глаза уходящего? Люсьен считает, что мать оставила их с отцом, потому что жизнь с незрячим – это не жизнь, что однажды у человека неизбежно возникает желание оказаться рядом с тем, кто смотрит на тебя и видит тебя.

Глава 15

У нас в «Гортензиях» три штатных врача (плюс те, кто работает временно, выходя на замену), два кинезитерапевта, один дежурный доктор, две кухарки, двенадцать сиделок, пять медсестер и заведующая медицинским отделением. Вороном⁹, само собой, может оказаться человек извне: кюре, водитель или санитар «Скорой помощи», пожарный, парикмахерша, гробовщик или один из волонтеров. Сын или дочь кого-то из постояльцев – большинство всю жизнь провели в Милли, где все друг друга знают. Даже одна из медсестер, которые сами не водят стариков в сортир, а вызывают звонком нас – как домашнюю прислугу. У них обязанности по большей части медицинские, но я предпочитаю мою работу, потому что сиделки держат своих подопечных за руку.

Весь персонал носит униформу разных цветов, чтобы родственники сразу понимали, кто есть кто. У медсестер она розовая, у начальства – белая, а у сиделок – зеленая, «цвета помойки».

Я обожаю двух моих коллег Жо и Марию. Мы – команда. Мадам Ле Камю называет нас *Тремя Мушкетерами*, а мадемуазель Моро из комнаты № 9 – *Тремя Божьими Коровками*, потому что руки у нас вечно в пятнышках от йода и эозина. Она говорит, если их пересчитать, можно узнать возраст каждой из нас. Жо отвечает: «Это к удаче, ведь на божьих коровок не покушается ни один хищник, даже птицы их выплевывают, из-за того что крылья горчат».

Я потеряла родителей, когда была совсем маленькой девочкой, и, наверное, стала такой горькой, что даже сама жизнь меня выплевывает.

Персонал «Гортензий» окрестил меня Цветочком, потому что я слишком чувствительная и часто дежурю задарма. В первые годы, видя, что я оплакиваю уход очередного постояльца, Жо повторяла: «Побереги слезы для своих, по ним, кроме тебя, никто рыдать не станет». А я думала, что большинство своих я давно оплакала.

Уже три дня стоит жуткая жара, и мы потеряли мадам Андре из № 11. По иронии судьбы, она имела прозвище Метеодама, потому что, встречая кого-нибудь в коридоре, с пафосом произносила: «Антициклон!» У жизни жестокое чувство юмора! Никогда бы не подумала, что ее убьет глобальное потепление.

Дети мадам Андре приехали сегодня утром. Опоздали и не успели проститься. Впрочем, они не виноваты: в какой-то момент наши старики слишком далеко уходят от нас, причем стартуют так стремительно, что угнаться за ними нет никакой возможности.

Жо не увидела этого антициклона на ладони старушки. У Жо – дар. Она предсказывает будущее по линиям на руке, и наши резиденты регулярно с ней консультируются. Жо уверяет, что старческая рука «нечитабельна» и напоминает пластинку на 33 оборота, а потому сочиняет.

Весь этот «репертуар» – мои сеансы массажа, гадание Жо, благословения кюре, повторяющего всем и каждому: «Живите! Радуйтесь каждому мгновению!» – нисколько не уменьшает желания стариков вернуться домой. Они часто сбегают, но мы все равно не запираем решетки – это было бы расценено как плохое обращение и насильственное удержание.

Да, они совершают побеги, но не знают, куда идти. Забыли обратную дорогу. «Их» жилье продали, чтобы вносить ежемесячную плату за место в «Гортензиях». Цветочные ящики пусты, коты – пристроены. Родной дом существует лишь в их воображении, в их личных библиотеках. Именно там я и люблю проводить время.

⁹ Отсылка к фильму «Ворон» (1943) французского режиссера Анри-Жоржа Клузо. Герои фильма – жители провинциального городка – однажды начинают получать анонимные письма, подписанные «Ворон». Вскоре весь город начинает поиски анонима.

Я ужасно расстраиваюсь, когда вижу, как старики толпятся с десяти утра у стойки администратора и глаз не сводят со створок главного входа, которые то открываются, то закрываются.

Они ждут.

В хорошую погоду мы выводим (или вывозим) наших подопечных в парк, чтобы они погрелись на солнце, сидя под липами. Ветер, шумящий в кронах деревьев, пчелы, бабочки и птицы доставляют им несказанную радость. Мы даем им кульки с хлебными крошками – некоторые обожают кормить воробьев и голубей, кто-то их боится, есть и такие, кто отгоняет пернатых ногой, иногда из-за этого начинается громкая ссора, и никто не стесняется в выражениях. Но главное, что, ругаясь, они перестают ждать, а хорошая погода везде одинакова, будь они дома или в другом месте.

Устав, я поднимаюсь на последний этаж, сажусь спиной к витражному окну, выходящему на крышу, закрываю глаза и задремываю минут на десять. В ясную погоду солнце греет мне затылок – я это обожаю.

Чайка часто взлетает и смотрит на меня из поднебесья.

Потом я возвращаюсь к делам и не всегда сразу понимаю, утро сейчас, день или вечер. Я сегодня не работаю сверхурочно, просто не хочу возвращаться домой. Не могу смотреть в тоскующие глаза дедули, в которых всегда зима. Не хочу видеть бабулю, ищущую в моем лице отцовские черты, не желаю стучать в дверь комнаты Жюля, окупившегося в молчании, погруженного в онлайн-игры или окопавшегося на *Beatport*¹⁰, платформе дистанционной загрузки электронной музыки.

Я снимаю с Элен компрессионные чулки и массирую ей ноги. А она снова рассказывает мне о пляже, о высокой блондинке в цельном купальнике, сидящей рядом в шезлонге и натирающей себя душистым маслом монои.

Случается, что одна из сиделок отсутствует и работать приходится в адском темпе. Это нелегко, и, если я чувствую, что готова сорваться на грубого или капризного постояльца, сопротивляющегося моим попыткам привести его в порядок или с гаденькой ухмылкой писающего под себя, я на пять минут сбегая в комнату № 19 и прошу Элен рассказать мне о Люсьене или клиентах бистро. Она часто вспоминает человека, прозванного Бодлером.

Он родился в Париже. После смерти бабушки унаследовал ее дом в Милли и в сорок один год поселился там в гордом одиночестве. Несколько раз в неделю, по просьбе мэра, давал уроки в местной школе – знал стихи всех поэтов любых национальностей. Но больше всего любил Бодлера. У него была заячья губа, и дети над ним смеялись, а некоторые боялись, вот родители и потребовали его уволить. Он был постоянным посетителем бистро папаши Луи – часами сидел у стойки и декламировал.

Элен читает мне стихотворение, которое Бодлер бормотал с утра до вечера между двумя глотками спиртного:

*Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц Океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.
Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжело влачит за собой.*

¹⁰ Крупнейший в мире музыкальный интернет-магазин американской компании *LiveStyle*. *Beatport* ориентирован на диджеев, там продаются готовые треки и исходные файлы, которые можно использовать для создания ремиксов.

*Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.
Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе¹¹.*

¹¹ Шарль Бодлер. «Альбатрос». Перевод В. Левика.

Глава 16

1933, конец весны

День свадьбы в Клермене. На площади перед церковью длинные столы уже накрыты белыми скатертями. Все жители деревни собрались, чтобы отпраздновать бракосочетание сына мэра Юго с рыженькой Анжель, дочерью кузнеца.

Она стесняется своего цвета волос – виной тому роман Жюль Ренара «Рыжик»¹² – и потому попросила портниху Элен Эль сшить очень плотную фату, а веснушки закрасила белым мелом.

Этот день должен был стать счастливейшим в ее жизни, но Анжель неуютно. Дело не в волосах и не в коже. Кузен Юго Фредерик все время на нее пялится. Анжель пьет вино, чтобы отвлечься, но, стоит ей повернуть голову, и она натывается на его отвратно масляный взгляд. Даже в этот торжественный день он не оставляет ее в покое.

Преследование длится много месяцев.

Фредерик ждет ее у дома, тенью следует за Анжель по улице. Она всякий раз обдаёт мерзавца холодом, но он все никак не успокаивается: «Здравствуйте, вы такая хорошенькая! Добрый вечер, мне нравятся ваши волосы! Добрый день, какая приятная неожиданная встреча! Доброе утро, у вас потрясающие глаза...»

Анжель так и не осмелилась поговорить с Юго. Во время церемонии она жутко боялась, как бы Фредерик не помешал свадьбе. Ничто не предвещало скандала, но на душе было тревожно.

Юго куда-то отходит, и Фредерик направляется к ней. Анжель не успевает поймать мужа за руку и удержать при себе, а улыбающийся Фредерик все ближе. Его улыбка навязчива, как дурной запах. Анжель закрывает глаза и делает большой глоток вина, ухитрившись обжечь горло. Фредерик рядом, и ей хочется отхлестать его по щекам, расцарапать шею, вцепиться в волосы и вырвать сколько сумеет. Жалко, что она не мужчина и не может исколошматить его до полусмерти. Она слышит его шепот:

– Мне очень нравится красный водопад ваших волос.

Не выдержав, Анжель резко вскакивает, цепляется платьем за гвоздик, и платье рвется на талии. Ей кажется, что треснула не ткань, а кожа, и удивляется, почему не потекла кровь. На землю падает несколько белых жемчужин, сердце вот-вот выскочит из груди, Анжель поднимает голову и говорит молящим тоном:

– Исчезните...

А потом просит мать привести портниху, живущую в двух шагах от церкви, а она подождет их в доме священника. Слава богу, никто ничего не заметил, даже Юго. Мать бежит к мастерской, закрытой, как всегда по воскресеньям, но она толкает приоткрытую калитку и попадает на дорожку, ведущую к стеклянному строению на заднем дворе.

Элен сидит на деревянном столе по-турецки, как делают мужчины-портные, и громко с кем-то разговаривает. Мать Анжель стучит, какая-то птица вспархивает и улетает. Сквозь застекленную дверь женщина замечает, что Элен смотрит на нее, но не видит. И вдруг делает приглашающий жест.

¹² Название романа французского писателя и драматурга Жюль Ренара (1864–1910) дословно переводится как «Волосы цвета морковки» (1894). Роман о мальчике, над рыжими волосами которого издеваются все, даже родные, поэтому он вырабатывает ироничный взгляд на мир – единственный способ защититься от обидчиков.

Мать Анжель приняла за собеседника молодой швеи... тряпичный манекен, девушка одна, но с кем-то ведь она разговаривала!

Час спустя платье новобрачной выглядит целёхоньким. Элен прошла по всем швам. Они с Анжель стоят лицом к узкому коридору, рядом с вешалкой, соединенной с зеркалом. Элен открыла дверь дома, чтобы впустить свет. Юная жена восхищается работой швеи, как чудом.

– Простите меня, Элен...

– Но за что? Я не понимаю...

Анжель вглядывается в лицо собеседницы: Элен моложе на три года, но возраст по лицу не определяется. У нее очень светлая кожа, заколотые в пучок волосы растрепались, голубые глаза, крупный рот и высокие скулы придают ей неотразимую прелесть. Элен принадлежит к тому типу славянских красавиц, в которых кто-то влюбляется с первого взгляда, а кто-то презрительно фыркает: «Ну и что в ней хорошего? Все слишком, все карикатурно большое! Вон, глазщи, аж до висков достают!»

В Клермене люди называют Элен Эль сумасшедшей, а дети ее боятся.

Анжель берет Элен за руки.

– На первых примерках вы мне не нравились. Мама решила, что платье сделаете вы, и только вы... А я вас боялась.

– Ничего страшного, – отвечает Элен. – Я тоже себя боюсь.

Анжель улыбается молодой женщине, которая словно бы где-то витает. Она привлекательна, но есть в ней нечто тревожащее душу. Элен смотрит не на окружающий мир, взгляд ее обращен в себя. А еще она никогда не улыбается. Даже когда отвечает «да».

– Пальчики у вас, как у феи, – говорит Анжель, Элен смущенно опускает глаза, они обнимаются и расстаются. Фредерика не видно, и Анжель облегченно вздыхает.

Элен остается одна. Она несколько секунд разглядывает свои пальцы, потом берется за уборку. Дверь так и стоит открытая – Элен приманивает солнце, где бы она ни находилась.

Назад в мастерскую она идет мимо кладбища и пытается читать фамилии на надгробных плитах. Элен толкает низкую боковую дверь церкви, входит в тихую пустоту, опускается на колени и обращается к Богу, повторяя одну-единственную фразу: «Научи меня читать!»

– Что делаешь?

Я вздрагиваю от неожиданности и захопываю тетрадь.

– Пишу.

– Вообразила себя Маргерит Дюрас?¹³

– Откуда тебе известно о Маргерит?

– Из курса французского. Нудятина. Очень надеюсь, ты пишешь по-другому.

– Если бы я умела как она... Открой окно.

– А ты что такая смурная?

– Терпеть не могу, когда ты куришь в моей комнате!

– При чем тут комната? Тебя бесит, что я курю... И зря, ты же мне не мамочка.

Жюль открывает окно, высовывает голову. Вид у него обиженный, и я сообщаю:

– Вчера вечером снова был анонимный звонок из «Гортензий».

Он оборачивается, прищуривается и спрашивает:

– Какое семейство «осчастливили»?

¹³ Маргерит Дюрас (1914–1996) – французская писательница, сценарист, режиссер и актриса. Ее самое известное произведение – автобиографическая повесть «Любовник» (1984), за которую она была удостоена Гонкуровской премии. По этой повести в 1992 году режиссером Жан-Жаком Анно был снят одноименный фильм.

– Тебе пора к парикмахеру... Родственников Жизель Дионде, крошечной галантерейщицы с сиреневыми волосами. Я рассказывала тебе о ней на прошлой неделе.

– Помню.

– Раньше она много времени проводила за игрой в карты и ходила на мастер-классы во все мастерские, но с начала лета кучкуется с остальными у главного входа, так что имела счастье лицезреть заплаканных родственников в трауре.

Жюль щелчком отправляет окурок в сад. Завтра утром дедуля подберет его, ворча себе под нос, потом бросит в таз с водой, которой будет поливать розовые кусты и травить всяких букашек.

Жюль садится рядом со мной на кровать.

– И что они сказали, когда увидели старушку... живой?

– Вообрази себе потрясение бедолаг! Вообще-то мне показалось, что они были разочарованы.

– Что значит разочарованы?!

– Понимаешь, смерть старого человека кладет конец чувству вины. Это очень сложно... Печаль пополам с облегчением.

– А «покойница» что сказала?

– Она их не сразу узнала, но потом выглядела довольной. Тем более что в полдень они повели ее в ресторан. Знаешь, старики часто бывают неприветливы с членами семьи, но если их вдруг начинают навещать, что-то меняется. Тоска и тревога отступают. Вот и Жизель во второй половине дня вернулась к карточной игре – после трехнедельного перерыва!

– Значит, звонки Анонима приносят какую-то пользу?

– Мадам Ле Каню только что объявила персоналу, что полиция проведет расследование внутри дома престарелых, – я передразниваю интонацию начальницы, надеясь развеселить Жюля, – *чтобы раскрыть тайну анонимных телефонных звонков.*

Но Жюль не устаивает меня улыбкой.

– К вам заявятся настоящие легавые с экспертами?

– А как же! – хохочу я в ответ. – Дело поручено Старски и Хатчу¹⁴.

Жюль хихикает. Старски и Хатч – два жандарма из Милли, все называют их «ковбойцами». До отставки обоим осталось несколько лет, а когда они уйдут, других не будет. Кажется, прозвища существовали всегда и появились задолго до моего рождения. Раньше один жандарм был блондином, другой – брюнетом. Сейчас у обоих светлые волосы. Дедуля считает, что эта парочка – последние, кого следует звать на помощь в случае несчастья. В Милли их не любят – глупость труднообъяснима, а у них она написана на лицах. Наши Старски и Хатч спесивы и никогда ни с кем не здороваются, а руку протягивают, только чтобы вручить штрафную квитанцию. За неправильную парковку. Да разве в Милли можно кому-то помешать, припарковавшись как-то не так?! Улицы пустынные. Лично меня они не только смешат, но и вызывают опаску – все-таки люди с оружием!

Жюль, правда, утверждает, что пушки у них игрушечные, но я не верю.

– Кто, по-твоему, звонит родственникам? – спрашивает брат.

Я смотрю на его идеальный профиль: никогда не видела никого красивее, хотя волосы могли бы быть короче.

– Не знаю. Кто угодно. Но у него есть доступ к личным данным, и он знает фамилии и привычки «забытых по воскресеньям».

– Это кто еще такие?

¹⁴ Главные герои популярного голливудского комедийного детектива (2004).

Глава 17

Воскресенье.

Жара, длившаяся шесть дней, наконец спала. Я смертельно устала. Выдохлась. Мало того что я перестала считать свои переработки, но в случае подобного кризиса время начинает управлять нами.

Я заступила на дежурство в восемь, а до того не спала всю ночь – до пяти утра танцевала в «Парадизе». Мне нужно было почувствовать себя молодой, напиться, нести чушь, накраситься, кокетничать, надеть платье с декольте, танцевать, закрыть глаза и поверить в свою красоту.

С прошлой осени я часто заканчиваю ночи в объятиях одного и того же человека. Он старше – ему двадцать семь (скорее всего), а зовут его Я-уж-и-не-помню-как. Иногда – для разнообразия – случается интрижка на одну ночь, но мы неизменно сходимся, как издания, выходящие дважды в месяц.

Воскресенье – день посещений. Не для всех. Я выпила пять чашек кофе, чтобы заняться теми, к кому не приходят. Воскресенье – сложный день. Он наполнен печалью. В «Гортензиях», скажете вы, каждый день похож на воскресенье, но тут уж ничего не поделаешь – как с биологическими часами. Каждое воскресенье старики точно знают, какой день недели наступил.

После умывания мы смотрим трансляцию мессы по телевизору, потом съедаем «улучшенную» трапезу. Авокадо с креветками, переименованными в «дары моря под соусом майонез», и шоколадные эклеры «сахарное объединение с начинкой».

Каждый день наш повар варит овощной суп, но именует его по-разному: по понедельникам – «сезонный суп», по средам – «суп-пюре из сада», по пятницам – «вишисуаз». Обитатели «Гортензий» обожают изучать меню на неделю. Только эта карта сокровищ еще способна их заинтересовать – помимо рубрики «Некрологи» в местной газете.

По воскресеньям к вину добавляется кир¹⁵, помогая «переварить» утро, только нельзя терять бдительность, чтобы кто-нибудь не выпил чужую порцию, иначе разразится скандал, а то и потасовка. Столовая заменяет обитателям школьный двор, где очень удобно сводить счета. Даже мне доставалось несколько раз.

В середине дня мы с коллегами накрываем столы белыми скатертями и меняем стаканы на бокалы. Как в ресторане.

После еды некоторые старики возвращаются к себе – ждать посетителей или из-за Мишеля Друкера¹⁶. Других мы чем можем развлекаем в карточной комнате: разыгрываем сценки, поем в караоке, играем в лото и белот¹⁷, смотрим кино. Больше всего им по душе фильмы Чаплина, они очень их веселят.

Обожаю, когда они поют «Маленький потерянный бал»¹⁸ в микрофон, подсоединенный к двум колонкам. Это их любимая песня. Иногда мы даже танцуем. У нас, конечно, не «Грязные танцы»¹⁹, но нам нравится.

¹⁵ Коктейль-аперитив, изобретенный в Бургундии в первой половине XX века. Представляет собой смесь белого сухого вина и черносмородинового ликера крем де кассис.

¹⁶ Мишель Друкер (род. в 1942) – популярный французский журналист и телеведущий. Он так долго был на экране в различных шоу на разных каналах, как государственных, так и частных, что однажды сказал, что некоторые люди шутили, что он включен в стоимость их телевизоров.

¹⁷ 32-карточная игра с комбинацией тузов и десятков, в которую играют в основном во Франции и некоторых европейских странах.

¹⁸ Имеется в виду песня *Le p'tit bal perdu* французского исполнителя и знаменитого комического актера Андре Робера Рембура (1917–1970), прославившегося под псевдонимом Бурвиль. Главные герои песни – двое влюбленных, которые кружатся в танце и не замечают никого, кроме друг друга.

¹⁹ Американская мелодрама 1987 года с участием Патрика Суэйзи и Дженнифер Грей.

Сегодня мы пригласили всегдашнего мага-волонтера, который живет в нашем квартале и притаскивает с собой кучу голубей и белых кроликов. Фокусы почти никогда ему не удаются, потому что руки у него растут не из того места. Все понимают, как он это делает, но для «забывших по воскресеньям» живой голубь или кролик в цилиндре – настоящее чудо, которое помогает им пережить очередной день.

Около 14:00 я спиной почувствовала взгляд голубых глаз Призрака. Я рассказывала моих подопечных на стульях – через несколько минут должно было начаться представление, – когда услышала его «здравствуйте!». Одна из горлиц вырвалась на свободу из левого рукава горе-артиста.

Он стоял за мной. Он мне улыбнулся. Он мне улыбнулся. Он мне улыбнулся. Он держал в руке книгу. Он был в джинсах и футболке «на вырост».

– Хотел поздороваться, прежде чем идти к бабушке. Собираюсь ей почитать.

Установленный факт: стоит мне увидеть этого мужчину – и я теряю голову.

У него невероятно нежная улыбка. Светлая кожа и изящные руки придают ему сходство с девушкой. В его присутствии я, Жюстин, исчезаю. Я нормальная. Земная. Краснеющая по поводу и без. И слишком проникательная, чтобы вообразить, будто *такой* мужчина может увидеть во мне не благовоспитанную девушку, внимающую рассказу бабушки о море, а кого-то совсем другого.

– Здравствуйте, рада вас видеть и удачного вам чтения, – ответила я и отвернулась, сделав вид, что помогаю искать пернатую беглянку, а он продолжил гипнотизировать мою спину. Что ему нужно? Прожечь мне затылок? Как делает солнце через огромные окна последнего этажа?

После спектакля я заглянула к Элен. Постучала в дверь, вошла и увидела, что Призрак сидит на стуле и держит на коленях раскрытую книгу.

Он читал:

По утрам они сходились в столовой, где подавали завтрак. Тот, кто вставал первым, ел медленно, чтобы дать время другому присоединиться, и каждый раз бабушка боялась, что Уцелевший ушел, не предупредив ее, или что ему надоела ее компания, он пересел за другой стол и сейчас пройдет мимо и холодно поздоровается, как поступали в прежние годы другие мужчины...

У него был красивый голос, негромкий, но сильный. Он напоминал пальцы пианиста на клавишах, переходящие от низких нот к высоким. Вообще-то я плохо разбираюсь в пианинном искусстве и еще хуже – в подобных инопланетянах. Нет, одного я понимаю. Жюля. Но он мой брат, ему я даже волосы могу взлохматить.

Он отложил книгу и посмотрел на меня.

– Что вы ей читаете? – спросила я, глядя в пол.

– «Каменную болезнь» Милены Ангус, – ответил он.

Я решила не говорить, что она ее читала. То есть Роза ей читала. Я посмотрела на Элен, увидела, как она улыбается на своем пляже, и произнесла – как реплику-апарт:

– Кажется, ей нравится.

Он кивнул. Во всяком случае, мне так показалось. И я тихо вышла. Почему? Меня нет, когда он рядом. Больше в тот день мы не виделись. Я бросила взгляд на крышу – чайка была на месте и вроде бы дремала.

Он оставил книгу на тумбочке, между фотографиями Джанет Гейнор и Люсьена, написав мое имя чернильной ручкой. Почерк у него оказался красивый. Я никогда не видела своего имени на бумаге в таком изящном исполнении.

Для Жюстин

Он подписался: «Роман».

Его зовут Роман. Такое не выдумаешь...

Сейчас 21:00. У меня ломит все тело. Мсье Вайян попросил помассировать ему руки. «Сегодня вечером...» – пообещала я. Элен я займусь позже. Мне очень нравится мсье Вайян. Он недавно к нам присоединился и не выглядит не то что счастливым – даже довольным. По родному дому он тоскует сильнее, чем по жене. Он повторяет мне эти слова каждый день. Закончив с ним, я пойду и выключу телевизоры в комнатах тех, кто уснул.

Управившись с делами, я сначала перечту «Каменную болезнь», а потом открою синюю тетрадку, которую из-за жары совсем забросила.

Глава 18

1933, канун лета

Этим утром Этьен играл на венчании «Воздух»²⁰ и прелюдии Баха. Играл впервые в церкви Клермена.

Люсьен, как обычно, довел отца до органа, держа его за левую руку, сел и стал слушать с закрытыми глазами. Ноты всегда ассоциировались у него с садовыми розами. Даже до ухода матери. Он на минутку взглянул на жениха с невестой и их гостей, тесно сидевших на церковных скамьях. Обычно Люсьен почти никогда не смотрит – предпочитает ощущать.

Дома он не зажигает верхний свет, живет в темноте, а Этьен ничего не замечает.

Люсьену двадцать два года, и у него идеальное зрение, но он никак не может привыкнуть к мысли, что не ослепнет, и убеждает себя: «Болезнь просто запаздывает».

После церемонии отец и сын садятся за большой праздничный стол, накрытый на церковной площади.

Люсьен обожает свадьбы по двум причинам: их часто приглашают на торжественную трапезу и Этьен может обойтись без помощи.

Люсьен вслушивается в гул голосов – люди пьют, смеются, и Этьен вместе с остальными, – а он с удовольствием угощается, то и дело проверяя, на месте ли книга, не исчезла ли из кармана, одна из тех, что он читает тайком от отца. Все они на Брайле.

Сидящая рядом толстуха пытается завязать разговор, но Люсьен не слишком расположен к общению. Когда он с отцом, приходится «смотреть вслух»: «Осторожно, ступенька, справа, нет, чуть левее, небо нахмурилось, в этом месте большая протечка, нужно перекрасить дверь, сорная трава снова пробилась между камнями, мимо палисадника прошла мадам Шоссен, твой стакан полон, не трогай, горячо, твои белые рубашки лежат на полках слева, хлеб порезан, яблоко червивое, твой ученик входит в сад, осторожно, сейчас будет шумно». Люсьен вежливо улыбается соседке и молча кивает.

Он никогда не женится. Никогда не наденет кольцо женщине на палец. Никогда не попросит невесту дать обет верности. Ни-ког-да – после случившегося между родителями. Никто никогда не будет пировать на его свадебном банкете. Отец часто называет его анархистом за критику армии, политиков, смертной казни, кюре и церковного брака.

Гости едят, пьют, смеются, и никто, кроме Люсьена, не услышал треска рвущейся ткани. Даже Этьен не обратил внимания на посторонний звук. Люсьен впервые за день поднимает глаза и смотрит на новобрачную. На ее лице ужас, она отмахивается от наклонившегося к ней мужчины, и он отходит, а молодая что-то шепчет на ухо женщине в лиловом, и та со всех ног мчится в сторону деревни. Героиня торжества ускользает за церковь, прижимая к себе платье. Никто ничего не заметил.

Несколько минут спустя дама в лиловом возвращается – не одна, а с девушкой, которая держит в руке швейный сундучок, она не смотрит на окружающих. Обе направляются за церковь.

Впервые после ухода матери Люсьен ощущает безразмерную печаль. Так иногда случается осенним вечером, под тяжелым, низко нависающим над землей небом без единой прорехи для луча света. Люсьен вдруг осознает, что, ослепнув, не увидит девушек с потупленными гла-

²⁰ «Воздух» – произведение немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха, написанное в первой половине XVIII века.

зами. Как же он тогда будет узнавать изящество и милоту? Даже запас красок, накопленный им благодаря музыке Баха, не в состоянии дать ответ на этот вопрос.

Слезы подступают к глазам Люсьена, и тут что-то шмякается ему на голову. Он проводит рукой по волосам, смотрит на ладонь – на пальцах белая, горячая, липкая субстанция. Птичий помет! Он поднимает глаза – в небе никого – и выходит из-за стола, чтобы вымыть руку в фонтане, бьющем в центре площади.

Люсьен опускает голову в ледяную воду, а «вынырнув», видит человека, стоявшего рядом с невестой, когда у той порвалось платье. Он курит и разглядывает его.

- Вы брат новобрачной?
- Нет. Я сын органиста.
- Слепого?
- Да.
- Знакомы с Анжель?
- С кем?
- С Анжель, это героиня дня.
- Нет.
- Я в нее влюблен. Но я не ее муж.

Люсьен молчит и спрашивает себя, была ли мать влюблена в другого мужчину, когда выходила замуж за его отца. «Интересно, – думает он, – как человек заражается любовью и могут ли подхватить ее сразу несколько человек?» Он пользовался услугами проституток, но любил только розы, книги и музыку, зато прочел много книг «на тему», последним по времени был роман Жоржа Сименона «Помолвка мсье Гира», его он проглотил за ночь. Незнакомец удаляется в сторону деревни.

Люсьен идет к церкви и пересекается с новобрачной. Солнце шпарит вовсю, и он ныряет в прохладу храма, устраивается в тенистой исповедальне и открывает книгу. Кюре на банкете, так что Люсьена никто не потревожит – ни клирик, ни прихожане. Люсьен опускает кончики пальцев на страницу.

«Бог передает людям свою волю посредством событий – это неясный текст, написанный на таинственном языке. Люди тотчас же делают с этого текста переводы – переводы торопливые, неправильные, полные ошибок, пропусков и противоречий. Очень немногие способны понять божественный язык»²¹.

Люсьен очень скоро засыпает, убаюканный доносящимся откуда-то шепотом. Он идет босиком вдоль берега моря. Солнце стоит высоко в небе, все вокруг купается в свете дивной красоты. Синяя вода сверкает, бликует под днищами яхт и лодок. Рядом, держа Люсьена за руку, идет девушка и улыбается. Ему хорошо, он больше не боится тьмы. Она опускает глаза, но он не боится, что в какой-то момент утратит способность любоваться ею.

Время от времени тонкие пальчики ласкают его ладонь. Вокруг полно детей, одни играют, другие купаются. До воды осталось несколько шагов. Шепот звучит ближе – это голос волн, музыка, которую никогда не играл в церкви отец Люсьена.

Он просыпается. В исповедальне. Девушка исчезла. Книга упала на пол. Он снова закрывает глаза, мечтая вернуться в свой сон, но ничего не выходит. Сон – не чтение, которое легко начать с того места, на котором остановился. В церкви слышен едва различимый шум. Сначала ему кажется, что это какое-то насекомое машет крылышками, бьется о витражи. Нет, это шепот. Волны из сна подают голос. Нет, не волны – человек. Люсьен толкает дверцу исповедальни и замечает коленопреклоненную тень в нескольких метрах от себя.

Он подходит. Приближается, как к морю в своем сне, и начинает разбирать слова:

²¹ Гюго В. «Отверженные». Часть IV. Идиллия улицы Плюмэ и эпопея улицы Сен-Дени. Цит. по: Гюго, В. Отверженные: роман: в 5 ч. / Пер. с фр. под ред. А. Виноградова. М.—Л.: Академия, 1931.

– ЧИТАТЬ. МЕНЯ. ЧИТАТЬ. МЕНЯ. ЧИТАТЬ. НАУЧИ МЕНЯ ЧИТАТЬ. НАУЧИ МЕНЯ ЧИТАТЬ.

Люсьен стоит за спиной молящейся. Она поворачивает голову и долго на него смотрит. Это девушка из сна. Та, которую привела дама в лиловом. Лицо девушки частично освещено тремя свечами, одна из которых догорела до основания. Она немножко похожа на одну из девиц в отёнском борделе. Странно, что он вспомнил о ней в церкви. О борделе, расположенном в зауряднейшем из домов с цветами на окнах. Там он глаз не закрывает – разглядывает женские тела, как сейчас стоящую на коленях девушку.

Он не решается посмотреть ей в глаза, как будто боится обжечься, поэтому смотрит на руки. На ее сплетенные пальцы.

– Почему ты просишь свечи научить тебя читать?

Глава 19

- Как вы сегодня, месье Жирардо?
- Моя жена умерла.
- Давным-давно.
- Когда теряешь самого любимого человека на свете, теряешь его каждый день.

- Как чувствуете себя, месье Дюкло?
- Заткнись, дурища.
- Чего это вы с утра развоевались?
- А не задавай глупых вопросов. Как я могу себя чувствовать?
- Как в конце лета.
- Идиотка несчастная.
- Да, со мной такое случается. Ну, встаем, встаем!
- Какого черта?!
- Нужно привести вас в порядок, месье Дюкло.
- Да пошла ты на хрен.
- Я бы пошла.
- Шлюшка.
- Вот спасибо так спасибо.

- Как поживаете, мадам Бертран?
- Анни умерла.
- Ах ты господи... Кто такая Анни?
- Моя подруга. Она приходила ко мне и сразу говорила: «Налей-ка мне пивка...» По-вашему, у доброго Бога на небесах есть быстро?
- Если Рай существует, быстро там точно имеется.

- Как вы сегодня, мадемуазель Адель?
- Хорошо. Скоро придет внучка, принесет оладушки.
- Вы везучая, она навещает вас каждый день.
- Я знаю.

- Ну, что у нас сегодня, месье Мурон?
- Ноги болят... не спал всю ночь.
- Попрошу доктора зайти к вам попозже, хорошо?
- Как скажете...
- Включить вам телевизор?
- Нет, утром идут только дамские передачи.

- Как дела, мадам Менже?
- У меня украли очки.
- Правда? Вы хорошо искали? Везде посмотрели?
- Везде. Уверена, это сделала мамаша Удно.
- Зачем ей красть ваши очки?
- Чтобы мне нагадить, зачем же еще?

- Как поживаете, месье Теркетиль?

- Где я?
- В вашей комнате.
- Вот уж нет, это не моя комната!
- Ваша, ваша, сейчас приведем вас в порядок, а потом, если захотите, прогуляемся вниз.
- Уверены, что это моя комната?
- Да. Посмотрите на фотографии на стенах – это ваши дети и внуки.
- А мама? Где мама?
- Отдыхает.
- И отец с ней?
- Да, он тоже отдыхает.
- Они зайдут ко мне после обеда?
- Возможно, завтра, когда как следует отдохнут.

– Здравствуйте, мадам Сабан. Я конфискую сыр и ветчину, которые вы припрятали в стенном шкафу. Они уже пахнут, ими можно отравиться.

- Все из-за немцев, они реквизируют еду.
- Успокойтесь, сударыня, немцы давно вернулись к себе домой.
- Уверены? Странно, я вчера вечером их видела.
- Где же это, скажите на милость?
- В ванной.
- Доброе утро, мадам Эсм, надеюсь, новости только хорошие?
- Нет, деточка, и я бы очень хотела занять место этих детишек.
- Каких детишек?

– Ненормально, когда старики вроде нас живут, а детки умирают, если верить разделу некрологов в газете.

- Ничего не поделаешь, такова жизнь.
- Лучше бы Господь собирал урожай в домах вроде нашего, где живут бесполезные старики и старухи.

– Ну, как дела, моя прекрасная Элен?

– Когда Люсьен увидел, что я молюсь в церкви в день свадьбы Анжель, он спросил, почему я умоляю свечи научить меня читать. Он был похож на мальчишку. Я приняла его за певчего из хора. Он был красивый и высокий. Намного выше меня – пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его лицо. Сначала он не смотрел мне в глаза, разговаривал с... руками, а когда мы наконец встретились взглядом, я узнала этот цвет. В его глазах плескалась берлинская лазурь. У меня в шитье лежали такие нитки. Я практически никогда их не использовала. Он смотрел на меня, как на фантазерку или помешанную, и тогда я взяла со скамьи требник, открыла наугад и начала читать, подумав: «Пусть поймет, что я вижу». Должна я была прочесть: «И вот какова воля Господа...» – а прочла: «Ивоковаляпода»!

Он закрыл книгу и сказал: «Я не Господь, но могу научить тебя читать пальцами...» Сразу перешел на «ты», как с давней знакомой. Я вспомнила слова Анжель – «у тебя пальчики, как у феи...» – и подумала: «Вот ведь как странно – за последний час двое упомянули мои пальцы!» Я давно ни с кем не обсуждала свой возраст – ни с кем, кто беседовал бы со мной не о подкладке и не о позументе. Бросив школу, я рассталась и с чужой молодостью.

Мы устроились на скамье, лицом к алтарю. Он открыл книгу, которую держал в руке, и я не увидела никакого текста. Он протянул ее мне и сказал, что это «Отверженные» Виктора Гюго. Томик ничем не напоминал школьные учебники, я смотрела на белые страницы и не чувствовала паники.

Люсьен взял мою руку и погладил моими пальцами бумагу, напоминавшую кожу ребенка с маленькими твердыми прыщиками. Потом он поставил мой указательный палец на одну определенную точку и спросил: «Чувствуешь “а”?» Следом за первой буквой я почувствовала под подушечкой пальца три бугорка, букву «и». Потом «о» и «ю». Он перевернул несколько страниц, и я познакомилась с «р». Мы все повторили, и я ничего не перепутала и впервые в жизни поняла, что читаю. Чудо наконец-то свершилось.

Через три дня Люсьен пришел в мастерскую моих родителей и остановился перед ростовым зеркалом. Глаза у него были небесно-голубого цвета, черные волосы лежали волосок к волоску благодаря бриллиантину, и только одна непокорная прядь падала на лоб, как запятая между бровями. Увидев меня, он улыбнулся, а я улыбнулась в ответ. В Люсьене было изящество застенчивых людей, скрывающих эту черту характера.

Он заговорил, и я подумала: «Губы у него пухлые, как у херувима...» Он заказал костюм из фланели. Вообще-то я не шила на мужчин, их обслуживал мой отец, но на этот раз настояла, что буду работать сама. Мама согласилась, поняв, что молодой красавец появился тут из-за меня, хотя никогда не надеялась, что за ее неграмотной, вечно растрепанной дочкой кто-нибудь захочет поухаживать.

Мой отец все-таки попросил задаток – уж больно молодо выглядел Люсьен – и получил три мятые банкноты.

Я показала Люсьену модели костюмов в журнале выкроек, он шупал образцы тканей и шептал, что, если я соглашусь спать с ним, он никогда не ослепнет, что эта напасть его минует. Люсьен признался, что с воскресенья только обо мне и думает, а я ответила, что с воскресенья не думаю ни о чем, кроме «Отверженных» Гюго, и даже сходила к господину Трибу, моему бывшему учителю, чтобы выяснить, существует ли такая книга на самом деле.

Люсьен выбрал темно-синюю фланель.

Я спросила, женится ли он на мне, и он ответил, что нет, не женится, потому что в их семье брак всегда приносит несчастье. Я ответила, что согласна спать с ним, если за это он научит меня читать.

Девушек, которые спят с чужими мужчинами, называют шлюхами, но я плевать на это хотела, лишь бы научиться читать. В 1933-м об «этих вещах» не принято было говорить. Когда начинались месячные, мы думали, что кровь вытекает из того же отверстия, что и моча. Женщины выходили замуж, и вскоре животы у них округлялись, этого было не скрыть, но никто из нас не знал, что происходит в родительской спальне. В школе, в каждом классе, находится девочка постарше, которая объясняет младшим, что такое французский поцелуй, но я в школу не ходила и к моменту встречи с Люсьеном думала, что умру старой девой. Так называли клерменских дам, которые никогда не были замужем. Я была уверена, что все «старые девы» не умеют читать.

Я велела Люсьену разуться, встать к стене и держаться очень прямо, взяла сантиметр и начала снимать мерки: объем запястья и шеи, длину руки, ширину плеч, спины, глубину проймы, высоту от талии до колена, высоту от талии до пола, расстояние от основания шеи до начала линии плеча, объем бедер, длину ног от промежности до голени и икры. Обмер занял много времени. Я придумала параметры, которые никогда бы не понадобились при шитье костюма, потому что ужасно боялась, что Люсьен передумает и не станет учить меня читать. Я стояла на маленькой скамеечке и работала, а Люсьен закрыл глаза (как будто не хотел, чтобы я узнала их цвет) и дрожал всем телом. Я всю жизнь снимала мерки, но в ту среду чувствовала себя начинающей портняжкой. 181, 40, 80, 97, 81, 36, 13... Помню эти цифры, как любимое стихотворение.

Годы спустя Люсьен признался, что в тот день он словно бы лишился девственности благодаря моему сантиметру.

Я не решилась спросить: «С какой стороны носите?» – хотя этот вопрос непременно задает мужчине любой мастер, чтобы не ошибиться, выстраивая промежность. Я просто решила, что Люсьен «носит» слева.

В следующее воскресенье мы встретились в церкви Клермена. Он назначил свидание на 16:00, в этот час там никого не должно было быть. Благодаря отцу-органисту Люсьен знал все церкви в округе и расписание служб в каждой. Он не ошибся – когда я вошла, увидела только его.

Он ждал меня несколько часов на той же скамье, что и в последний раз. На скамье, куда мы присели, чтобы читать молитвенник. Я почувствовала, как у него застыли руки, когда он передал мне дощечку с азбукой Брайля, и сразу узнала букву «а». Я никогда не получала подарка дороже и сразу поцеловала Люсьена. Это был мой первый поцелуй с парнем. Он сказал: «Я хочу прикоснуться к тебе. Умоляю, позволь мне дотронуться до твоего тела!» Я расстегнула платье. Да, да, расстегнула. Белое платье, бывшее мамино, которое я ушила в талии. Люсьен долго смотрел на меня, как на какую-нибудь потрясающую панораму. От холода я вся покрылась мурашками, но точно знаю, что Люсьену моя кожа показалась невероятно нежной. Я взяла его руку и приложила к своей груди, потом к губам...

– Как вы сегодня, мадам Лопез?

Глава 20

Я не кажусь себе красивой, когда смотрюсь в зеркало в ванной. Брови у меня прямые, а должны выгибаться двумя полукругиями над глазами, как у Джанет Гейнор.

Мое лицо словно бы еще не сделало выбора, не оформилось окончательно. Все некрасивое во мне кто-нибудь однажды сочтет красивым. Тот, кто полюбит меня и станет моим живописцем. Он продолжит меня. Превратит из наброска в шедевр – если у меня случится великая история любви. У всех есть свой Микеланджело, проблема в том, чтобы встретить его.

Жюль называет меня слишком наивной и говорит, что я мыслю по-книжному.

Так и есть – когда я ложусь в постель с мужчиной! – но эту книгу не в каждые руки стоит давать.

Как бы объяснить, чтобы вы поняли... Я никогда не сплю с мужчиной, с которым... сплю. Тот, кого я держу в объятиях, не тот, кого я обнимаю мысленно. Я думаю о ком-то другом, вернее о многих других. Сценарии меняются, иногда их бывает штук пять. Пять мужиков в моей воображаемой постели, если я в форме. В реальной жизни ничего подобного не устроишь, во всяком случае в моей.

Мне очень нравится идея любви, но я скучаю, занимаясь любовью, мне требуется переключать воображение. Однажды я прогоню всех моих никчемных кавалеров и займусь любовью с тем, с кем сплю сейчас.

Когда Люсьен впервые поцеловал Элен, он почувствовал, что его губ коснулись трепещущие крылышки. Я жду того, кто ощутит то же со мной, но это все никак не случается. Так можно всю жизнь провести в ожидании.

Вчера вечером я снова занималась любовью с парнем двадцати семи лет. С тем, кого зовут Я-уж-и-не-помню-как.

У меня одно нерушимое правило поведения: никогда не спать с человеком из Милли. Это все равно что спать с коллегой. неизбежно будешь встречаться каждый день. Я-уж-и-не-помню-как живет рядом с «Парадизом», в 30 километрах отсюда. У меня было второе правило, которое я тоже не нарушала – до встречи с ним: не ложиться в постель дважды с одним и тем же человеком. Теперь я от него отступила и уже довольно давно сплю с ним. Я даже дала ему номер телефона. Он меня раздражает, но в то же время мне с ним хорошо, когда он меня не раздражает. С тех пор как мы спим вместе, он задает вопросы.

Обычно мои любовники «на одну ночь, не больше» одеваются быстро и молча. Своей квартиры у меня нет, так что обычно я занимаюсь «этим» в машине, но у нынешнего есть студия, и он не совершает никаких движений... после. Не закуривает. Смотрит на меня – долго, пристально – и задает кучу вопросов.

– Чем ты занимаешься в жизни? А чем хотела бы заняться, будь у тебя выбор?... Правда, что ли? Не может быть!.. Дашь послушать?... Ты все еще живешь с родителями? Ах вот как, мне очень жаль, прости. Как это случилось? Значит, живешь одна? Я однажды видел твоего брата.

– Он мне не брат, а кузен.

– Но вы очень похожи.

– Неужели? Я считала, что ни на кого не похожа. Наши отцы были близнецами. И росли мы вместе. Наши родители ехали в одной машине.

– Черт, ну и жизнь у тебя! Просто кинодрама. Думаешь о родителях?

– Каждый день.

– Помнишь их?

– Нет, мои воспоминания потеряли память.

– Тогда как же тебе удается...

– Думать об отце помогает музыка. Ставлю пластинки Боуи²² и Башунга²³. А о маме напоминают Вероника Сансон²⁴ и Франс Галль²⁵. А еще я ищу запахи, например долго искала крем, которым она пользовалась, перенюхала все существующие, еще и сегодня коллекционирую образцы и иногда... Не знаю. Иногда чудится, что запах вернулся.

Я впервые рассказала о *заветном* любовнику, а не Жюлю и не Жо.

Я не влюблена в него. Я это точно знаю, потому что никогда о нем не думаю. С ним все только в настоящем. Не помню, как давно мы знакомы, в прошлом нет никаких зацепок. И никаких планов на будущее тоже нет. Я никогда не говорю ему «до завтра», или «до следующей недели», или «созвонимся».

²² Дэвид Боуи (1947–2016) – британский рок-музыкант, певец и автор песен, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер.

²³ Ален Башунг (1947–2009) – французский певец, композитор и актер.

²⁴ Вероник Сансон (род. в 1949) – французская певица, пианистка, автор-исполнитель, продюсер, актриса.

²⁵ Франс Галль (1947–2018) – французская певица.

Глава 21

1933, начало осени

Отец Люсьена женился второй раз благодаря «Искусству фуги»²⁶ Иоганна Себастьяна Баха, Контрапункту 3, который играл в церкви Сен-Венсан-де-Пре. После службы какая-то женщина изъявила желание встретиться с великолепным интерпретатором и пошла по лестнице к органу, а час спустя сделала Этьену предложение. Он ответил «да». И переехал к ней в Лилль.

Этьен оставил дом, мебель, постельное белье, посуду и книги шрифтом Брайля сыну, поскольку Люсьен отказался менять место жительства. На вопрос: «Зачем тебе книги для слепых?» – он ответил: «Чтобы сохранить твои следы...» Этьен сел в красивую машину новой жены, Люсьен обнял его на прощание и в последний раз сообщил отцу то, чего тот не мог увидеть:

– Ты выглядишь счастливым.

После расставания с отцом Люсьен стал работать в кафе папаши Луи, единственном в Милли. Он подает еду, разгружает ящики с бутылками, перетаскивает бочонки с пивом, передает напившихся с рук на руки женам, моет полы, окна и стаканы. Еще в его обязанности входит помощь Луи в дни наплыва, чего, правда, никогда не случается.

Со дня снятия мерок Люсьен раз в неделю, по субботам, садится в поезд и едет к Элен в Клермен. Иногда он седлает велосипед, неизменно в синем фланелевом костюме, и направляется прямо в церковь, нигде не останавливаясь, смотрит на статую, перед которой в их первую встречу молилась Элен, потом прячется в исповедальне. Около шести вечера появляется Элен, и они в тишине ждут момента, когда можно будет запереть дверь и отгородиться от мира.

Люсьен кладет недельные чаевые в ящик для пожертвований, освещает тело Элен свечами и направляет пальцы Элен к буквам, а свои – к любви. Она больше всего любит истории, происходящие на берегу моря, хотя никогда его не видела.

С момента встречи Элен очень переменялась. Чтение раскрыло, распахнуло ее, наполнило светом дня. Двигается она, как женщина, надевшая легкое платье после затяжной зимы.

Когда они начинают засыпать, она рассказывает о своем детстве, как будто напевает колыбельную. Описывает школу для девочек, где она все время была как в лихорадке из-за слов, скрывавшихся от ее взгляда за мешаниной букв, языка, неведь что произносившего, и отчаяния одиночества. Она говорит о единственном, что умела делать «до него», о платьях и брюках.

Элен вспоминает вечер, когда слизывала буквы с доски и думала, что отравлена, маленькую чайку, кинувшуюся на стекло и спасающую ей жизнь. Она заявляет, что каждый человек связан с птицей и у многих одна и та же птица. Достаточно взглянуть в небо и убедиться, что твоя крылатая подруга недалеко. Птицы не умирают, а уходят в бесконечность, а если одну из них запереть в клетке, ее человек сойдет с ума.

Люсьен отвечает: «Люблю тебя». Он в жизни не слышал голоса красивее, чем у нее.

– Расскажи еще что-нибудь...

Она рассказывает, а он дышит ею. От этой девушки пахнет розами и боярышником. Аромат одновременно домашний и дикий. Стоит Элен умолкнуть, и Люсьен снова зажигает свечи, чтобы видеть ее наслаждение.

²⁶ Прощальный цикл фуг и канонов, который считается вершиной полифонического мастерства И. С. Баха.

Утром в воскресенье они уходят очень рано, потому что в восемь начинается служба. Иногда Элен провожает Люсьена на вокзал, а если он уезжает на велосипеде, она смотрит, как его принимает в свои объятия горизонт.

Оставшись одна, Элен возвращается домой, минуя мастерскую, где теперь работает редко. Она часто врёт родителям – совсем как в школьные годы, когда была прогульщицей: жалуется на мигрень, остается в своей комнате и часами читает пальцами.

Элен не влюблена в Люсьена, она ему благодарна: он спас ее от пожизненного заключения в тюрьме. Благодаря ему она чувствует ветер в волосах, солнце на коже и улыбки, от которых обветриваются губы. Люсьен – ее лучший друг, брат, которого у нее никогда не было, посланник Провидения. Ей улыбнулась удача – благодаря Люсьену, и каждую субботу она улыбается ей снова и снова.

Красота, опыт и нежность Люсьена дарят ей наслаждение, механическое, не любовное. То, что она испытывает, это не любовь, какой она себе воображала это чувство, она не кружит голову, не сбивает с ног. Люсьен – не прекрасный принц, он – королевство, а она готова исполнить любое его желание.

Он влюблен без памяти. Думает только о ней. Ему хочется дышать ее ароматом днем и ночью, осязать бедра, ягодицы, руки, пальцы, смотреть в глаза, слушать голос. Она заместила собой все. Вытеснила даже страх перед слепотой. Он больше не читает, не слушает музыку, не плавает. Почти не ест и так похудел, что фланелевый костюм висит на нем как на вешалке.

В кафе он по много раз моет полы и окна, чтобы чем-нибудь занять руки и не сойти с ума. Он может думать только о субботе. О том, как она придет в церковь и он сразу узнает ее шаги, как опустит пальчики в чашу со святой водой и перекрестится, потом откроет дверь исповедальни, улыбнется и поднимет юбку, ожидая одного: новой книги на языке слепых.

В борделе Люсьен платит девицам деньгами, Элен – книгами. Он знает, что она его не любит и отдается в точности как местные шлюхи. Любовь – искусство быть эгоистичным.

В последнюю субботу 1933 года, 30 декабря, Люсьен Перрен делает Элен Эль не-предложение.

Глава 22

– Ты читаешь свой гороскоп, Арман?

Дедуля пожимает плечами, Жюль обходит его сзади, склоняется, читает через плечо:

– «Овна ждет судьбоносная встреча».

Дедуля снова пожимает плечами, бурчит раздраженно:

– Я этими глупостями не интелесуюсь.

Жюль не отстает:

– Но встреча все равно случится!

Бабуля увещевает его:

– Доедай картошку и не морочь голову деду.

Жюль возвращается за стол, поливает яичницу кетчупом. Мы всегда ужинаем в 18:30. Как куры. Ненавижу это сравнение: в детстве подружки издевались надо мной, обзывая курицей. Ну, не подружки – девчонки, приезжавшие на каникулах к соседям.

За столом я всегда сидела напротив бабули, Жюль – слева от меня, дедуля – справа. Таков был заведенный порядок. Менять его ни к чему, иначе дедуля будет недоволен. Когда у меня появится свой дом, я буду есть за кофейными столиками из светлого дерева, без дурацких клеенок, а сидеть – на разных стульях. У нас вся мебель сделана из дуба темно-коричневого цвета. Дедуля говорит, что это красиво, потому что дерево благородное, а мне оно кажется уродливым. В нашем доме все чем-нибудь защищено. На диванах лежат покрывала. На креслах – тоже покрывки, на всех столах – скатерти, будто дому есть что прятать.

Каждый вечер, после еды, Жюль поднимается к себе, чтобы позаниматься, я иду в свою комнату (если не дежурю) и пишу в тетрадь. Дедуля остается у телевизора. Бабуля в спальне открывает роман Даниэлы Стил, который будет читать год, по две страницы перед сном. На каждое Рождество я дарю ей несколько штук, некоторые из них – с обложками пастельных тонов и названиями типа: «Отныне и вовек», «Сезон страсти», «Кольцо». Не знаю, о чем мечтает за чтением бабуля, наверное, ей просто нравятся светлые тона (как и мне!).

К шести годам я узнала, что у бабули и дедули есть имена. Эжени и Арман. Жюль иногда их так называет: «Эжени, корнишоны закончились!», «Арман, я нашел твои очки!».

Жюль гораздо нахальнее меня.

Я всегда удивлялась, глядя на свадебную фотографию бабули с дедулей: оба такие молодые, а на Эжени приталенное платье. Теперь осиная талия исчезла, бабуля стала похожа на ствол дерева, не поймешь, где грудь, где талия (как у лабрадора!), где бедра, где ягодицы. Она не толстая, а какая-то... раздутая, монолитная. Бабуля даже летом носит специальные чулки – ей приходится беречь вены на ногах. А руки у нее такие шершавые, словно никто никогда их не целовал и не гладил. Я представить не могу, что дедуля когда-то обхаживал бабулю и они кувыркались на широкой кровати. Не могу увидеть внутренним взором, как бабуля делает дедуле... сами понимаете что. Зато легко воображаю всякое разное, когда Элен рассказывает мне о Люсьене.

Дедуля с бабулей почти не разговаривают, а вместе только за покупками ходят. Они никогда не ссорятся, как будто условились раз и навсегда оставить друг друга в покое. Я ни разу не видела, чтобы они целовались в губы, – только в щеку на Рождество, благодаря за подарки, и то только потому, что мы смотрим. Некоторые прячутся, чтобы поцеловаться, наверное, от застенчивости. Они поступают прямо противоположным образом.

Нельзя сказать, что бабуля с дедулей плохо с нами обращаются, они просто отсутствуют. Находятся дома – и никогда в комнатах. Всегда за столом, но не с нами.

По вечерам дедуля присоединяется к бабуле в спальне ровно в 22:30. Но не по воскресеньям. Каждый воскресный вечер дедуля смотрит «Полуночное кино» на «Франс-3». Бабуля

уже спит, когда он ложится. Ее палка стоит у тумбочки, вставная челюсть опущена в стакан с водой и шипучей таблеткой, на голове сеточка. Жуткое зрелище... В детстве меня пугала одна только мысль о том, чтобы ночью войти к ним в комнату. Даже с температурой 40° я ждала утра, чтобы иметь дело с «правильной» бабулей.

Я не верю, что она была молодой и жила, не пытаясь покончить с собой, а под ее кроватью не стоял ночной горшок.

Два года назад я вернулась с работы раньше обычного. Дедуля уехал в Макон. На бесплатное медицинское обследование (страховая компания сделала ему такой подарок к семидесятилетию). Из верхней ванной доносился какой-то шум. Стучал молоток, как будто кто-то долбил по трубам. Утром случилась сильная протечка между душем и раковиной, и я решила, что явился слесарь, пошла посмотреть и увидела бабулю в голубом комбинезоне, лежащую на спине под раковиной. Палку она пристроила рядом с ванной, на ногах были незнакомые ботинки, похожие на мужские, но ее размера, под рукой стоял ящик с инструментами, которыми она орудовала с необыкновенным проворством. Я наблюдала, как бабулина рука хватается ключи разного размера и отвертки и ни разу не ошибается. Бабуля меня не заметила, и я оказалась в положении девочки, обнаружившей, что ее бабушка ведет двойную жизнь. Читает сентиментальные романы в одной, а в другой работает водопроводчицей. Сильнее всего меня поразили ее раздвинутые ноги в брюках и удивительная гибкость, наводящая на мысль о том, что не такая уж она и старая. Я тихонько ретировалась и вышла из дома – смущенная, растерянная, словно застала бабулю с любовником. Я зашла в кафе в помещении тотализатора, выпила кофе и вернулась через час, стараясь шуметь погромче. Бабуля была на кухне, одетая в серое платье, которое три года назад заказала по каталогу *Blancheporte*²⁷. Я посмотрела на ее ноги, и она тут же поинтересовалась, с чего это я вдруг уставилась на старые войлочные тапки.

Ванная выглядела как новенькая.

Вечером Жюль спросил, может ли он принять душ наверху, и бабуля соврала, не моргнув глазом. Сказала, что водопроводчик был и неполадку устранил. Дедуля поинтересовался, во сколько обошлась работа, и она ответила: в тридцать евро без квитанции. Я искала «набор идеального маленького мастера» в садовом сарае и подвале, но ничего не нашла и подумала, что во всем виноваты богатое воображение или глюки. Если только водопроводчик из Милли не близнец бабули!

Я больше не слушаю музыку в подвале – с тех пор как начала писать в синюю тетрадь. Теперь там распоряжается Жюль – играет онлайн или записывает техно.

Думаю, с возрастом я надела траур по музыке, как когда-то по родителям. Мне кажется, раньше я микшировала, надеясь, что их голоса зазвучат вокруг меня, ведь все пластинки принадлежали им. Они продавали пластинки.

После их смерти дедуля с бабулей отказались от помещения, которое наши отцы снимали в Лионе, а весь винил и диски перевезли в подвал своего дома. Музыка ждала в коробках, чтобы мы с Жюлем выпустили ее на волю. Сначала мы купили проигрыватель – слушать пластинки, потом появился микшерный пульт. Его подарили нам Магнус и Ада, бабушка и дедушка Жюля, когда он еще разговаривал с ними.

В следующем году Жюль уедет. Я пока в это не верю. Как и в то, что дедуле предстоит встреча, которая изменит всю его жизнь.

²⁷ *Blancheporte* – популярный во Франции бренд повседневной и домашней одежды.

Глава 23

Я возвращаюсь в комнату № 19. Роман сидит рядом с Элен.

– Добрый день.

Он встает:

– Здравствуйте, Жюстин.

Он кивает на «Каменную болезнь». Я оставила книгу на тумбочке, чтобы он забрал ее, когда придет.

– Вам понравилось?

– До безумия.

Он улыбается:

– Надеюсь, чтение не слишком вас расстроило?

Я краснею:

– Нет. Но мне очень захотелось поехать на Сардинию.

Он смотрит на меня:

– У меня там маленький домик, на юге острова, рядом с Мураверой. Я дам вам ключи, когда захотите.

Я опускаю глаза:

– Правда?

– Правда.

Пауза.

– Там можно встретить персонажей книги? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня:

– Каждый день.

Я смотрю на него:

– Даже Уцелевшего?

– Особенно Уцелевшего.

Он берет книгу и тут же кладет обратно. Потом встает:

– Я опаздываю, мне пора, если не хочу пропустить последний поезд. Элен сегодня не сказала мне ни слова.

Я смотрю на Элен, думаю о домике на Сардинии и отвечаю:

– В следующий раз скажет.

– Да, – печальным тоном отвечает он. – Может быть. До свидания.

– До свидания.

Он выходит, и в комнате как будто становится темнее. Он никогда не спрашивает, начала я писать для него или нет.

Элен поворачивает голову и улыбается мне.

– Итак, моя прекрасная дама, вы сегодня изображаете молчунью?

– Люсьен *не* женился на мне 19 января 1934 года в Милли, своей родной деревне. Тот день был очень снежным. Он специально выбрал самый холодный день зимы, чтобы никто не смог прийти... Жюстин...

– Да?

Я подхожу, беру ее за руку.

– Знаешь, почему Люсьен не захотел на мне жениться?

– Потому что кольцо надевают на единственный палец, от которого идет вена к сердцу.

Элен хихикает, как ребенок.

– Безымянный, на левой руке.

Я сажусь рядом, и она продолжает свой монолог:

– Дом папаша Луи замаскировали под мэрию – большой, четырехэтажный, квадратный, прямо напротив вокзала. Люсьен приставил к стене стремянку и повесил сине-бело-красный флаг на водосточную трубу и большую вывеску со словом «МЭРИЯ» над входной дверью. Мои родители никогда раньше не бывали в Милли и ничего не могли заподозрить, а снег скрыл все следы.

Улицы были пусты. Мы ждали родителей перед псевдомэрией, я надела белое платье, очень простое, без кружев.

Родителям мы сказали, что обвенчаемся позже, весной или летом, и тогда я добавлю кружево и фату. Мама огорчилась, что единственная дочь клерменских портных выходит замуж в таком простом наряде. Люсьен выглядел очень авантажно в темно-синем фланелевом костюме, который мне пришлось ушить, так сильно он похудел.

Люсьен взял меня за руку и обнял взглядом. Мы вошли. В тот день я отдала ему обе руки, которыми теперь самостоятельно читала книги шрифтом Брайля. Я была обязана Люсьену всем... Жюстин...

– Да?

– Ты понимаешь, что это такое?

– Я понимаю значение слов, но не встречала человека, о котором могла бы сказать то же самое.

Пауза.

– На первом этаже дома папаша Луи сдвинул мебель и поставил большое бюро и несколько стульев. Люсьен прикрепил к стенам фальшивые муниципальные распоряжения, а на запертую дверь пристроил табличку «Регистрация актов гражданского состояния». Луи обожал играть в мэра, к роли он подошел очень серьезно, хоть и не понимал, зачем Люсьен тратит столько сил на не-женитьбу, а когда тот попытался объяснить, что брак мешает крови свободно циркулировать и превращает мужчин и женщин в рабов клятв, которые невозможно сдержать, просто отмахнулся от него.

Папаша Луи был крупным мужчиной с низким голосом и прекрасно выглядел с трехцветным шарфом через плечо.

Он зачитал выдержки из Гражданского кодекса. Статья 212: Супруги обязаны хранить верность и помогать друг другу. Статья 213: Супруги совместно осуществляют моральное и материальное руководство семьей, обеспечивают детям доступ к образованию и готовят их будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.